

Рудольф Штейнер

Экономический семинар
(Семинар по национальной экономике)

GA 341

6 занятий в Дорнахе с 31 июля по 5 августа 1922 года с участниками
«Экономического курса»

Nationalekonomisches Seminar Sechs Besprechungen mit den Teilnehmern am Nationalekonomischen Kurs in Dornach

Перевод: Ларина Т.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЕМИНАР (Семинар по национальной экономике)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В июле/августе 1922 года по желанию студентов, изучавших экономику, Рудольфом Штайнером в Дорнахе был прочитан в четырнадцати докладах «Экономический курс». Этот курс внутри полного собрания трудов Рудольфа Штайнера образует под одноименным названием 1 часть серии «Задачи новой экономической науки». Опубликованные здесь шесть семинарских обсуждений состоялись во время курса в том же кругу участников. Они способствовали уяснению новых и дополнительных аспектов содержания, изложенного в курсе, знанию которого и есть предпосылка для работы над представленным томом.

ПЕРВОЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 31 июля 1922 года

Вопрос: «Основные положения»¹⁶ хотя и кажутся «логически завершены» в себе, но в них нельзя найти критерия «соответствия действительности».

Рудольф Штайнер: Было бы как раз хорошо, чтобы друзья начали более четко высказываться с этой позиции. Вам надо учесть, что экономическое учение как таковое, собственно говоря, происходит из очень молодого мышления, ему едва несколько столетий, и что вплоть до великих утопистов в области экономической жизни все происходило более или менее инстинктивно. Однако эти инстинктивные импульсы были чем-то таким, что перешло в действительность.

Для получения более точного представления обдумайте следующее. Сегодня люди часто говорят: наши представления об экономике вытекают из экономических противоречий классов, из способа производства и так далее. Я не обращаюсь к самому экстремальному, как это представлено Марксом и его последователями. Но даже ученые-экономисты с устойчивыми буржуазными взглядами говорят о том, что, собственно, все с автоматической необходимостью вытекает из экономической основы. Тем не менее, если люди приходят затем к

обсуждению конкретных вещей, то в действительности оказывается, что существующие учреждения сегодня являются ни чем иным, как результатом средневекового мышления, разумеется, взаимосвязанным с различными факторами. Подумайте только, какое формообразующее развитие было вызвано к жизни римским понятием собственности, чисто юридической категорией, и что возникло в экономической жизни благодаря этому понятию. Видно, что эти вещи не рассматривались научно, однако как юридические категории, продуманные уже экономически, они оказали формообразующее действие. А меркантилисты так дальше потом и поступали, будучи людьми теоретизирующими, а не творческими. Можно, например, сказать, что советники императора Юстиниана¹⁷, создавшие кодекс *Corpus Juris*, были людьми намного более творческими, чем более поздние учителя экономики. Не только в нашем сегодняшнем понимании эти люди фактически создали Юстинианов кодекс, но и в последующем средневековом развитии мы видим, что противоположные импульсы вывалились именно на том, что было установлено в этом юстиниановом законодательстве.

И таким образом мы приближаемся в новое время к людям, которые больше не являются в своем мышлении экономически творческими, а только наблюдающими. Такое наблюдение проявляется по-настоящему у Рикардо. Возьмите, к примеру, закон о снижении плодородия почвы. Этот закон хорош, правилен, но он абсолютно не соответствует действительности. Ибо практика всегда показывает, что при учете всех указанных Рикардо факторов, хотя и осуществляется закон, названный им законом о снижении плодородия почвы, но в настоящий момент, когда появляется технически более интенсивное хозяйственное возделывание, расчеты этого закона перечеркиваются. Они не подтверждаются действительностью.

Возьмите что-нибудь другое, что-нибудь более тривиальное. Возьмите «железный закон заработной платы» Лассалья. Должен признаться, я воспринимаю как некое научное легкомыслие, что все еще считают ошибкой необходимость преодоления этого закона, как не подтверждающей обстоятельствами. Дело обстоит так: из образа мыслей Лассалья и из воззрения, что работу можно оплачивать, не следует ничего более правильного, чем этот железный закон заработной платы. Это логически столь строго, что нужно сказать: абсолютно правильно думать так, как думал Лассаль, что никто не заинтересован дать рабочему зарплату большую, чем это необходимо для пропитания рабочего. Никто, само собой разумеется, не даст ему больше. Однако если дать ему меньше, то рабочий погибнет, и за это должен поплатиться тот, кто выплачивает заработную плату. По существу, нельзя совсем обойтись без теоретического признания железного закона заработной платы. Но уже среди самого пролетариата люди говорят: железный закон заработной платы ошибочный, так как неверно, что в последние десятилетия заработная плата сохранялась на некотором минимуме, который вместе с тем был максимумом. Да, но почему железный закон заработной платы Лассалья ошибочен? Если бы обстоятельства, при которых он его установил — я хочу сказать, обстановка с 1860 по 1870, — продолжали

иметь место, если бы хозяйство продолжали вести с чисто либеральными воззрениями, то железный закон заработной платы вошел бы в действительность с абсолютной правильностью. Это не было сделано, от либеральной экономики отвернулись, и сегодня железный закон заработной платы постоянно улучшают посредством создания государственных законов, корректирующих действительность так, чтобы она подпадала под действие этого закона.

Итак, вы видите, закон может быть правильным и все же не соответствующим действительности. Я не знаю ни одного человека, который был бы более сильным мыслителем, чем Лассаль. Только он был очень одно-сторонен. Он был уж очень последовательным мыслителем.

Если имеют дело с каким-то законом природы, то его определяют. Если же имеют дело с каким-то социальным законом, то его тоже можно определить, но уже в виде конкретного направления, которое требует корректировки. Поскольку наша экономика основывается лишь на свободной конкуренции, — здесь еще многое основано только на свободной конкуренции, — постольку железный закон заработной платы имеет силу. Но чтобы он действовал при этих предпосылках, нужно делать поправки в социальном законодательстве, устанавливать рабочее время и так далее. Предпринимателю надо предоставить полную свободу действий — так же значение железного закона заработной платы. Поэтому он не может быть дан экономике чисто дедуктивным методом. Одно только индуктивное начало тоже не помогает. Ему следовал *Луио Брентано*. Мы можем наблюдать экономические факты, говорит он, и тогда постепенно поднимаемся к законам. Да, тут мы приходим вообще не к творческому мышлению. Это так называемая новая экономика, которая именуется научной. Она хочет быть, собственно, лишь индуктивной. Но и с ней не уйти вперед.

В народном хозяйстве вам непременно нужен характеризующий метод, который стремится получать понятия благодаря тому, что, исходя из различных отправных точек, объединяет их. В результате получают определенное понятие. Оно, правда, будет в известном смысле односторонним, так как никогда нельзя в полном объеме обозреть всех фактов, но только — некую сумму опыта. Теперь пройдите с этим понятием еще раз через явление и попробуйте подтвердить его истинность. Тогда вы увидите, что появляются изменения. Таким образом, в то время как вы характеризуете, вы приходите к понятию, которое, подтверждая его правильность, модифицируете, и получаете затем экономическое воззрение. Вы должны стремиться к воззрениям.

Такой подход я хотел бы выработать у вас во время докладов экономического курса, в которых показал, что всегда все вмешивается в образование цены. Метод, используемый сейчас в народном хозяйстве, является как раз наиболее неудобным методом, так как он в действительности сводится к тому, что понятия нужно составлять из бесконечно большого числа факторов. Вы должны стремиться к экономическим имажинациям! Только с ними вы сможете продвинуться вперед. Если они у вас есть, и вы подступаете с ними к чему-либо, тогда они изменяются сами собой, в то время как устоявшиеся понятия модифицировать не так то легко.

Вы знаете так называемый Грэшемский¹⁸ закон: хорошие деньги вытесняются плохими. Если где-то находятся в обращении плохие, неполноценные, ниже обычной стоимости отчеканенные деньги, они вытесняют деньги с хорошей пробой, которые и перемещаются в другие страны. Этот закон является тоже индуктивным законом, законом чистого опыта. Но, с другой стороны, этот закон таков, что нужно сказать: он имеет силу до тех пор, пока деньгам не обеспечивается их значение. В тот момент, когда вы за счет духа предпринимательства будете в состоянии обеспечить хорошие деньгам их права, закон изменится. Он не совсем отомрет. Не существует ни одного экономического закона, который не был бы действителен до определенной точки, но все они изменяются. Поэтому нам нужен характеризующий метод. В естествознании пользуются индуктивным методом, иногда обращаются к дедукции. Но дедукция в естествознании имеет, в целом, значение намного меньшее, чем думают. Здесь, собственно, имеет значение только индукция.

Чистая дедукция существует в юриспруденции. Если в юриспруденции действуют индуктивно, то вносят в нее нечто ее уничтожающее. Если в юриспруденцию внести психологический метод, то она ликвидируется. Тогда каждого человека надо будет признавать невиновным. Такие методы, вероятно, могут быть введены в действительность, но тогда они приведут к подрыву существующего юридического понимания. Так что, может быть, это все же будет правомерным, однако это больше не будет юриспруденцией.

Таким образом, в народном хозяйстве вы не сможете справиться с помощью дедукции и индукции. Вы могли бы справиться с помощью дедукции, только если было бы возможным дать всеобщие правила, для которых сама действительность представляла бы повод. Здесь я упомяну тех, которые действовали чисто дедуктивно, правда, с одной основной индукцией, которую они ставили во главу. Например, *Оппенгеймер*, поставил во главу основную историческую индукцию с его товариществами-колониями и дедуцировал от этого весь социальный порядок. Много лет назад, *Оппенгеймер* тогда был уже колонистом-поселенцем, он сказал: «Я получил капитал, и теперь мы учредим современную культурную колонию!» — Я возразил ему: «Господин доктор, давайте поговорим об этом, когда она погибнет». Она должна была погибнуть, поскольку невозможно внутри всеобщего хозяйства основать маленькую область, которая бы пользовалась своими преимуществами за счет чего-то другого, так что была бы паразитом внутри целого народнохозяйственного организма. Такие предприятия всегда являются паразитами. До тех пор, пока они достаточно получают от других, они существуют, — но потом они умирают.

Таким образом, в экономике вы можете только характеризовать, вступающая своим мышлением в явления. Это также следует из того, что в народном хозяйстве на основании прошлого нужно постоянно вращиваться в будущее. И тогда, если где-то вращиваются в будущее, туда придут индивидуальности с их способностями, так что в народном хозяйстве можно, в сущности, не делать ничего иного, как быть настороже. Если вступают в практическое, то необходимо быть готовым постоянно модифицировать понятия. Здесь не надо иметь дела

с формообразованием вещей, но здесь работают с живыми людьми. А это превращает экономическое учение в науку особого рода, так как все должно быть проникнуто действительностью.

Теоретически вы можете это легко осознать. Вы скажете: тогда в высшей степени неудобно работать в науке экономики. Но также и с этим я совсем не могу согласиться. При известных обстоятельствах, когда вы, например, имеете определенную точку зрения и хотите писать диссертацию, вы можете получить очень много, если проследите в какой-либо области соответствующую литературу последнего времени и сравните различные взгляды. Как раз в учении о народном хозяйстве имеются невероятнейшие определения. Итак, попробуйте хотя бы один раз на основании различных экономических справочников или даже больших сочинений сопоставить определения капитала! Попробуйте поставить их — восемь, десять — друг за другом! Прямо сейчас мне пришло на ум одно: «Капитал есть сумма произведенных средств производства». Должен сказать, что не понимаю, что при этом означает прилагательное. Противоположность: произведенные средства производства — под этим можно было бы также что-то мыслить, например природу, а следовательно, землю, и тот, кого мы упомянули, также должен будет придерживаться этой точки зрения. Но тогда он, конечно, не оправдывает ничем то, каким образом земля может теперь капитализироваться, превратиться в капитал. Однако она капитализируется. Следовательно, из этого, собственно, ничего не вытекает, потому что все основано на понятиях, которые сначала отыскивают, а затем пытаются их как-либо расширить. Все оказывается слишком ужким.

Если вы полагаете, что при таких рассмотрениях соответствие действительности будет для вас трудным делом, то я хотел бы сказать: соответствие действительности может, собственно говоря, стать как раз легким! Вы говорите: «Основные положения» логически завершены в себе. Но они совсем не такие, ни «Основные положения», ни другие вещи! Принимаю я подчеркиваю, что не стремился к чисто экономическому, но — к социальному и экономическому. Этим естественно обусловлены стиль и манера этих сочинений, так как я все-таки достаточно осторожно дал только основные направления и примеры, или, собственно, только иллюстрации. Я хотел, чтобы было осознано, что же достигается тогда, когда кто-либо управляет средствами производства так долго, как может; затем они должны переходить к тому, кто опять-таки может сам управлять ими. Я могу хорошо представить, что достигаемое таким путем может быть достигнуто и другим путем. Я хотел дать лишь основное направление. Я хотел показать, что выход найдется, если надлежащим образом провести это деление на три части, если духовную жизнь как таковую действительно освободить, если правовую жизнь поставить на демократическую основу, и если экономическую жизнь устроить целесообразно и профессионально, что может существовать в ассоциациях. И я убежден, что тогда в экономическом свершится правильное.

Я говорю, что люди, которые войдут в ассоциации, найдут правильное. Я хочу считаться с людьми, а это и есть соответствие

действительно. Трактат о «Понятии работы» должен быть таким, чтобы там действительно можно было найти понятие работы, в экономическом смысле. Это понятие должно быть освобождено от всего, что не создает в труде стоимости, и именно экономической стоимости. Итак, это нужно выделять прежде всего. Тем самым подходят, конечно, только к характеристике. И этот характеризующий метод является тем, что важно. Об этом надо говорить методологически.

Вопрос Насколько инспирация необходима для экономического познания?

Рудольф Штайнер: Полагаю, что инспирация, если принимать вещи всерьез, собственно, не столь уж и затруднительна. Речь идет не о поиске сверхъестественных фактов, но о том, чтобы сделать инспирацию собственной в области экономики, да так, чтобы она могла быть не особенно затруднительной.

Способ, которым нужно давать определение труду, должен содействовать как исходную точку возможность показать следующее: человек может выполнять труд и без того, чтобы он имел народнохозяйственную ценность. Это — азбучная истина. Можно ужасно утомиться разговором, и при этом, однако, не получится никакой народнохозяйственной стоимости. Затем надо бы показать, за счет чего труд, даже если он начат для народного хозяйства, модифицирует свою стоимость. Предположим, что кто-то работает дровосеком и выполняет труд, фактически создающий стоимости, а кто-то другой — хлопковым агентом и, таким образом, не имеет ничего общего с дровосеком, но от своей работы он становится настолько нервным, что каждое лето в течение четырнадцати дней рубит в горах дрова. Здесь обстоятельства становятся сложнее, так как этот агент может израсходовать для себя наколотые дрова, он что-то от этого получает. Но то, что он получит, вы все же не можете так оценить, как оцениваете труд дровосека. Вы должны учесть, что этот человек, если он летом четырнадцать дней не колет дров, зимой намного хуже сможет работать в качестве агента. Тогда вы должны принять во внимание, что эта работа является для него поощрением. Народнохозяйственная стоимость дров, наколотых хлопковым агентом, равнозначна стоимости дров, наколотых дровосеком; но народнохозяйственный эффект его труда, получаемый от его деятельности, существенно другой.

Если для агента колка дров имеет такое значение, что оказывает обратное влияние на его деятельность как агента, тогда надо исследовать, чему соответствует то, когда кто-либо встает на ходовое колесо¹⁹ и поднимается с одной ступени на другую, становясь от этого стройнее. Для него это — усилие, но для экономики здесь нет никакого эффекта. Все это правильно, но здесь надо различать, является ли упомянутый мною человек рантье или предпринимателем. Последний более деятелен как создатель экономических стоимостей.

Нужно постепенно, характеризуя, разрабатывать эти вещи, и тогда, если идти так все дальше и дальше, можно будет получить непосредственную и косвенную, побочную стоимости труда. Таким образом вы подойдете к определению понятия труда. С ним вы можете вернуться к нашим дровосекам и сравнить, что означает в

экономическом процессе рубка дров хлопотным агентом по сравнению с рубкой профессионального дровосека. Так можно постепенно подниматься дальше от одной ступени к другой и всюду смотреть, как взаимодействуют вещи. Я называю это соответствием действительности. Вы должны показать, как труд проявляет себя во всей полноте в самых различных областях жизни. Это сделал Гете в понятии прародителя: он, конечно, начертил схему, но подразумевал нечто постоянно изменяющееся. В реальной жизни экономические понятия должны постоянно претерпевать метаморфозы. Именно это я имею в виду.

Вы, конечно, будете иметь много хлопот с такими понятиями. Преподаватели экономики сегодня не допускают этого, они хотят иметь определения, дефиниции. Но я не считаю, что понятие работы в экономических учениях отчетливо разработано. Необходимо характеризовать, а не говорить беспрестанно от противного. В экономических сочинениях я нашел, к примеру, что труд может и не быть основополагающим для цены, так как у отдельных людей он различен в соответствии с их индивидуальной силой. Негативные моменты вы находите уже констатированными. Но отсутствует позитивное, продвигающее вперед к тому, чтобы все же охарактеризовать труд, к поискам того, как он, собственно говоря, теряет свой первоначальный сущностный характер и получает стоимость из других позиций, в которые он помещается. Когда характеризуют таким образом, то утрачивают вещественное и, в конце концов, получают нечто, поностью свершающееся внутри экономической области.

Труд является народнохозяйственным элементом, который действительно первоначально следует из человеческих усилий, но затем, однако, переливается в экономический процесс и вследствие этого в самых различных направлениях получает самую различную экономическую стоимость. Следовало бы говорить о процессах, которые ведут к оценке труда по самым различным направлениям.

Инспирация основана на том, что приходят к пониманию, как продвигаться от одного к другому. Надо обращаться хоть немного к духу, чтобы находить правильные примеры.

Вопрос. Не является ли все же необходимым общее понятие? Нужно ли и в случае характеризующего метода придавать значение причинам, с помощью которых приходят к определенным результатам?

Рудольф Штайнер: По отношению к результатам я согласен с тем, что следует обращаться к причинам. Но если для некоторых областей природы причины находят не иначе, чем исходя из последствий, то в экономической области в высшей степени не помогает познание причин, не касающееся последствий. Например, чудовищны последствия военной экономики. Если их не воспринимать как последствия, то совершенно невозможно оценить причину. Таким образом, чтобы иметь возможность подойти к причинам, нужно осваивать определенное смысловое качество последствий. Несомненно, на практике нужно обращаться прямо к причинам. На этом,

практически, и основано экономическое учение. Изучают, оценивают последствия и, видя искажения результатов, приходят к тому, чтобы изучить, а затем исправить причины. Изучением одних толков причин достигают немногого. К причинам нужно подходить так, чтобы можно было сказать: я знаю их благодаря тому, что исхожу из последствий. Огромной важности открытие находящегося в левом полушарии речевого центра сделано исключительно на основе последствий: потеряна речь — парализовано левое полушарие мозга. Вы познаете сначала последствия. Затем вы приходите к исследованию предмета. Таким образом, этот метод необходим.

Вопрос. Я не могу воспринимать с экономической точки зрения все, что связано с искусством, религией или со спортом. С такой точки зрения можно ли рассматривать их только отчасти, но не в целом?

Рудольф Штайнер: Я еду через какую-либо местность и обнаруживаю там необыкновенно искусные строения — я изображаю, конечно, утилитарную. Они — результат не только художественного воззрения. Эти красивые здания возможны только на основе совершенно определенного экономического положения. Если я еду через местность, где очень много красивых зданий, то сразу получу образ того, как там хозяйствуют. Напротив, если я еду через местность, где так называемые красивые здания сами по себе безвкусны, то, благодаря этому, также получу представление об экономическом положении данной местности. И даже если я обнаружу толпы утилитарные постройки, то получу представление об экономическом положении соответствующей местности. Если я встречаю искусные строения, то могу сделать вывод о том, что там более высокая заработная плата, чем там, где я не обнаружил красивых зданий. Таким образом, я не могу себе представить, чтобы можно было что-то рассматривать не экономически. Все, вплоть до высочайших областей, надо рассматривать экономически. Если бы сегодня ангел спустился в мир, то он должен был бы появиться во сне, чтобы ничего не изменить; но как только он явился бы людям во время их бодрствования, он вмешался бы уже в экономическую жизнь. Он не смог бы по-другому.

Возражение: Я соглашусь, что это возможно рассматривать с экономической точки зрения — но только возможно! Это можно рассматривать и с других точек зрения.

Рудольф Штайнер: вы попадаете в замкнутый круг. Можно сказать только следующее: в основу рассмотрения необходимо положить экономическую точку зрения. Это имеет только эвристическое значение, значимые исследования, обследования. Но если вы хотите сформировать исчерпывающее, соответствующее действительности экономическое учение, то вам не обойтись без всесторонней характеристики экономических эффектов. Вы должны охарактеризовать, какое значение имеет для экономической жизни области, проживает ли там сотня выдающихся живописцев или только десять. Без этого едва ли допустимо думать, что экономическая жизнь может быть охвачена. Иначе я бы так сильно не настаивал на этом извлечении. Именно потому, что извлекают, всегда приходят к определениям, которые, в сущности, не подходят к какой-либо области

или нуждаются в чрезмерном подстраивании. В самом деле, невозможно определить необходимый человеку доход, принимая во внимание лишь его право на то, «что сам производит». Существует даже такая формулировка: «каждый имеет право на то, что сам производит». Это кажется милым, когда дают такое определение. В какой-то мере это правильно. Однако уборщик сточных ям имел бы с этого мало толку. Речь идет о том, что в случае народного хозяйства нельзя изымать чего-то из суммы явлений, а следует исходить из всей суммы. Нужно понимать: я думаю экономически и поэтому могу помочь тем, кто этого не умеет. Однако надо отдавать себе отчет и в том, что как раз экономическое мышление должно претендовать на достаточную полноту, быть всеохватывающим мышлением. Юридически думать намного легче. Большинство экономистов думают очень юридически.

Вопрос: О «нормальном» в народном хозяйстве мнения расходятся только, что совершенно не знают, что является нормальным?

Рудольф Штайнер: Я не считаю важными споры о «нормальном» и «ненормальном». Существует поговорка: есть только одно здоровье и множество болезней. Я этого не признаю. Каждый человек здоров по своему. Люди приходят и говорят: у этого сердечного больного есть такие-то большие изъяны, которые нужно лечить. Я часто говорю: оставьте человеку его маленькие изъяны. Это напоминает мне одного больного, у которого, к несчастью, была деформирована носовая кость, так что он имел узкий носовой проход и получал мало воздуха. Врач сказал: «Нужно оперировать, это необычайно простая операция». Я сказал: «Оставьте операцию! Его легкое устроено так, что не может получать много воздуха; это счастье для него, что он имеет суженный носовой ход. Так он может прожить еще десять лет. Если бы у него был нормальный нос, он совершенно определенно умер бы через три года». — Таким образом, я не придаю большого значения «нормальному» и «ненормальному». Я усматриваю в этом только тривиальнейшее. Очень часто я говорю: нормальный гражданин, нормальная гражданка. Здесь уже понятно, что имеется в виду.

Вопрос о ценности статистики.

Рудольф Штайнер: Это правильно, что статистика может во многом помогать. Но статистические методы применяются сегодня поверхностно. Кто-нибудь собирает статистику об увеличении стоимости домов в некоторой области, а затем о том же самом в другой области и сопоставляет одно с другим. Это, однако, нехорошо. Правильнее, когда процессы исследуют как таковые. В таком случае знают, как надо оценивать эти цифры. Ибо тогда можно представить ряд цифр как нечто особенное именно потому, что в него включилось чрезвычайное событие.

Вопрос. Может ли появиться инспирация также и от собранных цифр?

Рудольф Штайнер: Инспирация появляется и здесь в то время, когда вы, имея один ряд, второй, третий, затем исследуете — благодаря опять-таки духу, — какие факты, если вы рассматриваете их количественно, дифференцируются в первом ряду посредством соответствующих фактов,

скажем, третьего ряда. Тем самым уничтожаются определенные значения чужел. В историческом методе я называю это симптоматологическим раемотрением²⁰. Нужно иметь возможность оценивать и, смотря по обстоятельствам, правильно соотносить между собой противоречащие вещи.

Как раз экономическое учение создают временами чрезвычайно необъективным способом. Возникает ощущение, что, например, благодаря применению статистики, форма баланса в министерствах финансов различных стран может быть той или иной под влиянием партийно-политических точек зрения. Когда кто-нибудь хочет подтвердить определенную партийную линию, то он фактически применяет цифровой материал, которым равным образом хорошо можно доказывать и что-то другое. Пользу приносит ни что иное, как беспристрастность души. Тогда действительно принимают во внимание нечто основополагающее, первоначальное. Во всех науках, имеющих дело с человеком — даже если это наука, направленная на то, чтобы научиться обращаться с животными, научиться их приручать, — ваши понятия должны быть модифицируемыми. И это тем более верно в народном хозяйстве. Тут начинается инспирация. Она должна уже быть. Не обижайтесь на меня, если я произнесу это сухо.

Я убежден в том, что сегодня много больше учащихся владели бы этой инспирацией — ведь она не имеет ничего общего с чем-то устрашающим, парящим в туманных высях — если бы ее, собственно, основательно не изгоняли из школ, гимназий и реальных училищ. Наша сегодняшняя задача, находясь в университете, вспомнить то, что из нас было изгнано в гимназии, тогда мы сможем осуществить оживление науки. Ею занимаются сегодня необычайно мертво. В одной стране мне довелось разговаривать с несколькими преподавателями в области экономики. Они сказали, что когда хотят посетить своих коллег по профессии в Германии, те говорят: да, приходите, но только не на мою лекцию, посетите меня дома! Сегодня требуется действительно беспристрастный взгляд на эти вещи... Экономическое учение особенно обеднело в последнее время. На самом деле все связано с тем, что люди потеряли духовную основу творчества. Сегодня человека, если он должен поверить какому-либо факту, надо действительно ткнуть в него носом.

В газетах сейчас можно читать статьи о духовной блокаде в Германии. Само собой разумеется, она образовывалась в течение долгого времени. Если сегодня поставлять в Германию журнал «Дас Гетеанум», то цена по себестоимости должна составлять восемнадцать марок за один экземпляр! Подумайте о технических, медицинских журналах! Их невозможно выписывать. Подумайте о культурных последствиях! Это тоже экономический вопрос. В Германии духовная блокада... Утрата этих журналов является тем, что может привести к обольщению в Германии. В Германии это носит экономический характер! А в России это приняло уже государственственный характер, там вы больше не можете читать ничего, кроме того что продается самим Советским правительством. Люди превращаются в чистейший оттиск Советской системы. В подобных случаях вы можете там или тут вводить в обман с помощью книги.

Вопрос. Не полезно ли при получении экономических результатов использовать в первую очередь не из статистики, а из наблюдения имеющихся фактов?

Рудольф Штайнер: Этот способ наблюдения необходим, когда обращаются к статистике. С помощью статистики можно только доказывать цифрами обстоятельства дела. Понятно, что если сейчас приехать в Вену, то нужно только пройтись по улицам и накопить опыт. Вам нужно лишь посмотреть, в какой квартире жили ваши знакомые десять лет назад, и в какой они живут теперь. И так фрагмент за фрагментом. Можно сделать подобные наблюдения самого страшного рода. Вы убедитесь, что стерт целый средний слой, который, в сущности, еще живет, — да, ибо он еще не умер. Он не живет экономически, так как если увидеть, чем он живет, то становится страшно. Это исходные данные, но кому-то для доказательства могут быть все еще чрезвычайно важны числа.

Нужно иметь известного рода «нюх», потому что если вещи можно показывать статистически, то числа заводят немного дальше. Например, девальвация кроны в Австрии: смешно, как мало значит крона сегодня, но никакая стоимость не может снижаться без того, чтобы что-то от чего-то не отнимали. Если вы отыскиваете жертв валюты, то среди них находятся те, чьи ренты и подобные доходы обесценивались. Здесь можно проводить расчеты, и примечательно, что сегодня для Австрии, не говоря уже о России, расчеты больше уже не могут ничего определять, не могут быть действительны. Так как все уже исчерпано, то Австрия должна бы иметь право проводить девальвацию кроны и дальше, и все же государство не объявляет себя банкротом. Это, конечно, может быть достигнуто только путем чем-либо вызванной блокады. В тот момент, когда вы снимете блокаду, люди должны будут принимать совсем другие меры...

Вопрос. Может ли государство, пока есть состояние, присваивать себе это состояние путем увеличения количества денег?

Рудольф Штайнер: Конечно, государство может существовать благодаря увеличению количества денег, но если достигнута точка, когда приращения ренты иссякли и их искусственно не поддерживают, оно, собственно говоря, не сможет больше существовать экономически, даже если продолжит изготавливать банкноты, так как дальнейшее изготовление банкнот ведет к бесконечности. Государство тогда будет все больше и больше изолироваться.

Вопрос: Разве само государство не живет на хозяйственный капитал, который имеется на предприятиях?

Рудольф Штайнер: Да, но на то, что в нем является рентой.

Вопрос: Да, я имею ввиду, что оно откачивает капитал. Капитал уменьшается?

Рудольф Штайнер: Поскольку капитал несет характер ренты. Так как дело в том, что когда государство его поглощает, он носит такой характер. Государство, конечно, живет, но больше не может хозяйствовать. Это больше не хозяйство. Государство живет в таком

случае только тем, что уже было достигнуто в результате хозяйственной деятельности; оно только расходует прошлое. Жизнь за счет ренты умирает. В Австрии давно уже мог бы наступить тот момент, когда рента умерла бы. В Германии до этого еще далеко. Совершенно определенно, такое не могло бы продолжаться дальше и в Австрии, если бы там не возникли некоторые принуждающие законы, например, в отношении квартирной платы. Там за жилье, собственно говоря, ничего не платят, — я полагаю, около двадцати пяти са~~нтим~~тимов за трехкомнатную квартиру. Это положение может сохраняться только за счет того, что чем-то владеют даром. В Германии тоже за ква~~ртиру~~ртиру платят, вероятно, только одну десятую. Благодаря этому сохраняют положение дел в определенном общественном классе, который вообще может платить до какого-то предела. В Австрии с известного рода классом общества дело зашло так далеко, что он не может платить даже двадцать пять сантимов. Люди, имевшие доход, скажем, в три тысячи крон, когда-то могли этим жить; сегодня это несколько больше английского шиллин~~га~~га. Не правда ли, на это жить нельзя!

Сегодня экономические явления в самом деле столь страшны, что люди могли бы стать повнимательнее к тому, что, собственно, нужно из~~менить~~менить экономические законы и именно так, чтобы это помогло как-то пра~~ктически~~ктически. Эта попытка не удалась в 1919 году; но тогда валютное бедствие было еще не на таком уровне, как сегодня.

Мы могли бы обсудить вопрос, что называется экономическим мы~~шлением~~шлением. Затем: как подходить к понятию труда в экономическом смысле? А потом было бы хорошо, если бы кто-нибудь совершенно свободно, в своем понимании, поработал с понятиями, которые я уже использовал. Было бы также хорошо, если бы кто-нибудь попробовал разработать п~~онятие~~онятие предпринимательского капитала, что является чистым предприн~~имательским~~имательским капиталом. Если хотят охарактеризовать предпринимател~~ьский~~ьский капитал в соответствии с его понятием, то его надо точно сопоставить только с рентовым капиталом.

ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 1 августа 1922 года

Вальтер Биркигт: Работа в экономическом смысле, по-видимому, пред~~ставляет~~ставляет собой деятельность человека в расчете на доход. В области физики точно известно, что физическая работа определяется ее механическим дей~~ствием~~ствием. Является ли работой каждая выполненная и использованная экон~~омически~~омически работа? Нет, стоимость может возникать, в конце концов, только через потребителя. Если с помощью какой-то работы создается что-то, соде~~лывающее~~лывающее в экономическом смысле действительную стоимость, то эту работу мо~~жно~~жно рассматривать как работу хозяйственную.

Рудольф Штайнер: Я хочу дать только небольшой импульс, спросив господина Биркигта о том, как бы он повел себя, если бы, скажем, во время этих рассмотрений возник вопрос: если я работу внутри хозяй~~ственного~~ственного организма или процесса каким-либо образом связываю с физ~~ическим~~ическим пониманием работы, как же тогда будут обстоять дела при более точном подходе к понятию физической работы? Конечно, все сказанное Вами правильно, но физик, устанавливая формулу для своей

работы, вводит понятие массы. Дело в том, что физическая работа, энергия, является функцией массы и скорости. В конце концов, Вы очень легко найдете аналогию в экономическом процессе. В формулу для физической работы²¹ вводится понятие массы, определяемое в физике через вес. Следовательно, мы в физическом определении работы имеем «вес», который лишь заменяем на «массу» и «скорость». И тогда надо бы обсуждать, а необходимо ли, если остаться при Вашей аналогии, вводить в экономический процесс рассмотрение нечто подобное понятию массы или веса. Для того, чтобы сделать это, мы должны были бы отыскать в экономическом процессе нечто соответствующее массе. Я предполагаю, что тогда этот вопрос мог бы быть затронут в дискуссии.

Возражение. К проблеме сущности работы относится признание ее со стороны покупателя. Предприниматель исходит из мысли о признании. Общественное признание покупки какого-либо товара — это факт признания.

Рудольф Штайнер: Так как Ваше понятие признания находится больше в философской, а совсем не в экономической области, Вам необходимо придать ему экономический вес для подтверждения того, что это понятие имеет экономическую ценность. Дело в том, что в признании как таковом — если домохозяйка, например, видит, что она в чем-то нуждается — содержится не более, чем мнение. Экономическое начинается только тогда, когда она может это купить. Вероятно, очень хорошо, если вещь в высшей мере превосходна сама по себе, но ее можно не суметь продать по чисто экономическим причинам — если она слишком дорога. Поэтому чистое признание действительно является философской категорией. Однако оно стало бы экономической категорией, если бы состоялось его включение в экономическую жизнь. Так можно было бы прояснить понятие экономического действия.

Вопрос. Как относится в настоящее время принцип опытной проверки экономического действия к признанию?

Рудольф Штайнер: «Признание» как таковое едва ли может быть экономической категорией. Причина состоит в том, что признание является чем-то субъективным. Само собой разумеется, в экономические категории вводится что-то субъективное. Но тогда нужно показывать путь, на котором оно становится объективным. Представьте, две домохозяйки имеют совершенно различное признание одной и той же вещи, и личное «да» может привести к экономическому успеху, а «нет» — к экономической неудаче. Экономическое нужно было бы искать там, где причины в одном случае ведут к успеху, а в другом — к неудаче, так как признание — это только философское понятие. Конечно, признание может сползать в приватно-экономическое, но в таком случае оно все же становится экономическим.

Замечание одного из участников: Под экономическим действием я понимаю представленное в виде инициативы предвосхищение физического выражения принципа опытной проверки.

Рудольф Штайнер: Вероятно, речь идет действительно о чем-то совсем другом, нежели о том, что могло бы составить предмет нашей

дикуссии. Однако здесь необходимо держаться экономического мышления. Эта формулировка не доказывает, что вы вошли по этому вопросу в экономическое мышление. Конечно, формулировка стоит всяческих похвал, но она является больше формулировкой экономической философии, стремящейся, даже несколько схоластическим способом, обнаружить понятие экономического действия, чтобы перед всем мировым порядком метафизически оправдать экономическое действие. Если вы преследуете эту цель, то можете пойти по такому пути; потом будет очень интересно поговорить об этом. Но если вы задаете вопрос, имеет ли, например, сегодня значение — а это имеет значение! — то, что некоторое количество современных людей приносит своим мышлением в области экономического какую-то помощь хозяйственной жизни, тогда нельзя признать, что благодаря такой формулировке может быть получено что-то особенное.

Результат состоит, вероятно, в том, что люди учатся лучше думать, но мы стоим перед необходимостью сделать действительно плодотворным народное хозяйство как таковое. В естествознании и медицине не очень многое, в конце концов, зависит от наличия методологии. Там она, собственно говоря, в большей степени является техникой трактовки методов, исследовательских инструментов и так далее, однако сама методология не имеет чрезвычайно большого значения. В экономическом учении она чрезвычайно важна, так как все, что мы думаем о вещах, в экономике должно стать полезным. Иначе она становится чисто эмпирической, чему в своем образе мыслей и следовал *Брентано*. Она не становится практической. Мы сегодня нуждаемся в экономическом мышлении, которое может стать практическим. И поэтому было бы чрезвычайно интересно посмотреть это определение слово за словом. Однако оно больше принадлежит к области мышления философско-экономического, чем экономического.

Объяснения господина Биркигта направлены на получение таких понятий работы, чтобы кто-либо, желающий выяснить в ассоциации, как оценивать ту или иную работу, мог ими пользоваться. Вы стремились к этому, и к этому надо было бы стремиться сегодня, если бы мы находились в ассоциации в качестве какого-нибудь работника, для того, чтобы иметь какое-то основание для оценки происходящего в экономическом процессе.

Замечание. Экономическая работа есть всякая деятельность человека, которая производит ценности, действуя непосредственно или косвенно.

Рудольф Штайнер: Полагаю, что при желании выработать именно практическое экономическое мышление нужно будет принимать во внимание нечто другое. Чтобы пояснить это, возьмем аналогию из естествознания: общий процесс в человеческом организме совершенно непонятен, если рассматривать только процессы возникновения, то есть процессы, протекающие в одном определенном направлении. Вы получите действительное представление о всеобъемлющем процессе, если рассмотрите также и процессы распада. Мы имеем, например, в костях и нервной системе процессы распада; мы имеем в крови наряду с ярко выраженными процессами созидания также и процессы

распада. Можно даже сказать: в человеческом организме, начиная с образования хилуса при выработке лимфы, до образования венозной крови мы имеем процессы созидания. Кроме того, мы имеем процессы, связанные с дыханием. Эти процессы представляют собой вид неустойчивого равновесия между процессами созидания и распада. И происходящие в нервах и костях процессы являются упомянутыми процессами распада. Деволюция в противоположность эволюции! Действительное понимание можно получить, только если строить наши понятия так, чтобы, например, воспринимать процесс в печени как совокупность созидания и распада. Кто-нибудь может подойти к этому с чисто теоретическим интересом, заменив процессы распада процессами созидания. Он скажет: под влиянием процессов созидания человек физически развивается до определенной степени. Затем он начинает создаваться духовно, следовательно, по-другому. Так мы переходим из одной области в другую, придерживаясь абстрактной понятийной ткани, и благодаря этому учимся ничего не понимать. Мы учимся понимать действие духа в человеческом организме, только если знаем, что дух начинает действовать тогда, когда нет процессов созидания, что там, в головном мозге, происходит не созидание, а распад, и только при распаде дух дает о себе знать. Тогда у нас появляется некий род понимания, через который мы входим в действительность. Если же мы абстрактно, ступень за ступенью, чисто диалектически, логично придерживаемся понятийного направления, то мы не приходим ни к какому практическому пониманию.

Таким образом, необходимо, чтобы в экономике принимали в расчет не только образование стоимости, но и обесценивание, чтобы говорить также и о до некоторой степени действительном разрушении. Я это сделал. Духовный процесс начинается уже при потреблении, но присуще еще и там, где имеется обесценивание.

Вы полагаете, что если я ломаю дом, то это также создает стоимость. Может быть, снос дома на этом месте создает для кого-то что-то продуктивное. Конечно, так рассматривать допустимо, если оставаться в рамках абстрактно развивающегося понятия. Однако для практики важно, как я из возникновения стоимостей и их обесценивания составляю экономический процесс. И тогда, естественно, должно стать ясно, что работа имеет значение не только для производства стоимостей, но также и для их разрушения. Не придя к этому, нельзя получить адекватного понятия работы. Если бы не было работы и для разрушения, то совсем нельзя было бы заниматься хозяйством. Это нужно ввести в Ваше понятие.

Думаю, все же в ближайшем будущем получит большое значение понимание того, что должно совершиться экономически в направлении созидания и уничтожения стоимостей. Когда возникают стоимости, не уничтожаемые надлежащим образом, хотя они должны быть уничтожены, также возникает нарушение хозяйственного процесса. Но он нарушается за счет чрезмерного производства. Процесс нарушается просто из-за того, что, образно выражаясь, в желудке хозяйственной жизни лежит слишком много.

Вопрос Не должны ли мы понимать работу как деятельность для поддержания хозяйственного организма?

Рудольф Штайнер: Тут надо внимательно рассматривать реальность. Без сомнения, чрезмерное производство зонтов может быть процессом распада; но пока мы работаем, по отношению к результатам выполненной работы это при всех обстоятельствах процесс созидающий. Этому не противостоит процесс распада: разрушение зонтов. При известных условиях разрушение как раз не может быть достигнуто посредством того, что вы определили бы как работу. Но в любом случае чрезмерное производство зонтов нельзя назвать процессом распада, если думать о вещах в связи с работой.

Нужно понимать, что при экономическом рассмотрении мы должны характеризовать, то есть пытаться получить понятие путем рассмотрения его с различных сторон, получить действительно наглядное суждение. В абстрактном определении ничего нет. Пусть установлено какое-то понятие работы: работа есть человеческая деятельность в расчете на ее прибыльность, короче, хозяйственная деятельность человека. Но чем отличается такое определение работы в экономическом смысле от определения работы в физическом смысле? В таком экономическом определении мы ведь не имеем внутри ничего реального. Когда физик определяет физическую работу через формулу, через функцию, содержащую в себе массу и скорость, то существует нечто реальное, так как масса поддается взвешиванию. Когда физик хочет определить скорость, он дает определение. Оно служит только для объяснения. Физик полностью сознает, что тем самым он только указывает на то, что должно быть учтено. В самом деле, только тот обладает понятием скорости, кто знает ее из наглядного представления. Понятием он определяет только меру скорости. Когда физик дает это определение, он никогда не подумает о каком-либо реальном его объяснении. Он, однако, считает — по праву или нет, я не хочу сейчас рассматривать, — что дает настоящее объяснение, если толкует работу как функцию массы и скорости. Тем самым он уходит от действительного определения.

Если я буду делать это в хозяйственной жизни, тогда речь должна идти о том, чтобы схватывать историю правильным образом. Следовательно, если я, например, объясняю стоимость в определенном отношении тем, что стоимость производится, стоимость возникает, стоимость является функцией работы над природным объектом, продуктом природы, или функцией взаимодействия духа и природы, то работа присутствует там в происходящих изменениях. Она, разумеется, является количественной, пока движущееся тело меняет место. То, что для физика существует как масса — это реальная природная субстанция. Я, однако, пытаюсь найти определение, которое в действительности очень хорошо соответствует требованиям реального определения в физике. Я не сделаю для экономики ничего особенного, если постараюсь дать определение работы. Я прежде всего должен выяснить, что работа как таковая становится экономической категорией только тогда, когда я привожу ее во взаимодействие с продуктом природы. Когда дают такие определения, то осуществляют такой род и способ понимания вещей, который позднее обязательно вызовет у кого-либо удивление. Вы знаете, например, что физики во время господства классической физики всегда определяли работу как

функцию массы и скорости. По отношению к современным представлениям об ионах и электронных процессах это определение работы полностью теряет свое значение, так как из них уходит понятие массы. Мы должны иметь дело уже только с ускорением. Здесь физический процесс освобождается от того, что существует как вещь. Материя освобождается от обработанной природы и вступает в собственную функцию.

Таким образом, мы приходим в область, которая действительно восторженно оправдана. Особенность соответствующего действительности мышления состоит в том, что думают больше, чем в случае, когда определение просто дают. Я хотел бы обратить внимание, что, если я говорю экономически, я никогда не пытаюсь охватить понятие там, где оно не может быть охвачено. Я также не могу в физике охватить «массу», а только ее функцию. «Масса есть количество материи» — это только словесное объяснение! Столь же мало экономически важными я хотел бы считать определяемые одно за другим понятия природы, работы и капитала; напротив, необходимо охватывать существующие факты: не просто природу, но обработанная природа; не работа, но организованная работа; не капитал, но направляемый человеческим духом, приведенный в движение, в экономическое движение, капитал. Сегодня в экономике необходимо, как я полагаю, охватывать вещи в их реальном существовании!

Вопрос не записан.

Рудольф Штайнер: Хотелось бы обратить внимание лишь на то, что, собственно говоря, различать умственный и физический труд неправомерно. Если бы попытались определить положение дел с умственной и физической работой, то не смогли бы найти ничего другого, кроме медленного перехода от одного полюса к другому, но никакой настоящей противоположности здесь нет. Физиологически здесь тоже нет настоящей противоположности. Неверное рассмотрение вещей Вы можете увидеть на примере того, что люди всегда ошибались по поводу способствующего отдыху действия гимнастики. Сегодня известно, что гимнастика предоставляет не тот отдых, который приписывался ей раньше. Ученик не будет заниматься так называемой умственной работой больше благодаря занятиям гимнастикой, которая иногда отнимает довольно много времени. Конечно, все время речь идет о том, чтобы мыслить экономически плодотворно.

Вопрос о связи между экономическим и биологическим мышлением.

Рудольф Штайнер: Суть экономической жизни представляет собой в действительности очень сильную аналогию сути биологической энергии. В этом Вы можете легко удостовериться, если попытаетесь установить экономическую стоимость какой-нибудь работы, например, печатания книг. Предположим, некто считает себя чрезвычайно выдающимся поэтом, это приводит к тому, что его лирику печатают, пусть за счет протекции или денежной поддержки, или еще чего-либо подобного. И над выпуском этого лирического тома трудятся бумажники, наборщики, множество людей, которые, по марксистскому понятию, осуществляют несомненно продуктивную работу. Предположим, однако, что не куплен ни один экземпляр, все

экземпляры перерабатываются в макулатуру. Тогда вы имеете тот же реальный эффект, как если бы все эти люди вовсе ничего не сделали. В этом случае вы, в сущности, употребили труд совершенно бесполезно. Но теперь вы снова должны исследовать, а является ли только на семь восьмых глупым то, что говорят марксисты, или это совсем не имеет значения. И тогда вы заметите, что биологический способ рассмотрения содержит некую аналогию. Вы можете, правда, сказать: в биологии я могу рассматривать всю сущность от начала и до конца, она вся передо мной, в то время как в экономике я имею дело только с тенденциями и тому подобным. Но теперь я Вас спрашиваю: имеете ли Вы перед собой в природе что-то большее, чем тенденции, когда размышляете о том, что не из всех икринок сельди появятся сельди, но большое количество икринок, по сравнению с теми, из которых появятся сельди, будет уничтожено? Спрашивается, совсем ли ничего не означают эти уничтоженные икринки для общего процесса природы, или они только следуют в другом направлении в общем биологическом процессе? Это тот же самый случай. По-видимому, не могло бы быть сельдей и многих других морских существ, если бы не гибло так много икринок сельди. Таким образом, вы все еще не встанете на реальную почву в рассматриваниях, если скажете: ну да, икринки погибают и так далее. Но вы еще обязаны будете сказать: здесь перед собой я имею эволюцию. Икринка появляется и за счет чего-то погибает. Вся сельдь так же появляется и за счет чего-то погибает. Процессы только различно направлены, и сельдь лишь продолжает уже установленную тенденцию икринки. Вы никак не можете сказать, что сельдь имеет большее право быть уничтоженной, чем икринка. Таким образом, Вы имеете аналогию с гибнущей работой, с гибнущими экономическими сообществами.

Вы попадаете в неисчислимое, где в образе мыслей существуют аналогии между экономическим и биологическим мышлением. Это не замечают, так как не имеют ни настоящего биологического, ни настоящего экономического мышления. Если бы биология начала развивать правильное мышление, то оно было бы очень схоже с мышлением экономическим. Чтобы в действительном смысле заниматься биологией, требуются те же методы, что и для занятий экономикой.

Вопрос Чем, в отличии от икринки сельди, обосновано существование напечатанной, но затем переработанной в макулатуру лирики?

Рудольф Штайнер: Дело может обстоять следующим образом. Если бы люди, которые там заняты, не были бы заняты, то они должны были бы заняться чем-то в другом месте. А если они были бы заняты где-то чем-то другим, то, смотря по обстоятельствам, человеческой деятельностью было бы произведено недостаточно. Человеческая деятельность, как икринки сельди, должна быть произведенной в зависимости от обстоятельств, и это также имеет экономический эффект. Вполне можно сказать, что с легкостью и делают: сон есть покой, а жизнь — деятельность. С определенной точки зрения сон намного более необходим для жизни, чем бодрствование. Так же обстоит дело и с этой деятельностью. Вы, конечно, можете сказать: я

хочу применить ее более полезным образом; но спрашивается, а более ли полезно, если это будут зонты, которых произведут слишком много. Прежде всего, это временная помощь, правда, в неверном экономическом процессе, для устранения работы, результаты которой стали бы помехой. Дело предстало бы по другому, если бы думали экономически здраво. А если бы думали экономически здраво, то нужно было бы приложить колоссальную изобретательность — но здесь мы сразу выходим из привычного экономического рассмотрения, — чтобы использовать образующееся за счет этого излишнее рабочее время тех людей, которые не смогут быть заняты. Дело фактически обстоит так: если бы думали экономически здраво, сразу появилось бы то, что Вы, вероятно, приветствовали бы. Но люди не понимают необходимости обучать людей, которые не могут сами обеспечивать себе занятость, не могут сами проводить свое время, то есть сберегать свое время. Дело в том, что тогда человеку, работающему сегодня восемь-девять часов, едва ли стало бы нужно работать больше, чем три-четыре часа. Ведь если бы мыслили экономически, людям требовалось бы работать намного меньше, чем они сейчас работают. И тогда просто появилось бы время, которое иначе погибает подобно гибнущим икринкам сельди. Сегодня люди слишком много расточают в работе, которая все равно должна погибнуть.

Замечание. Когда говорят о биологическом мышлении, то у него есть вполне ограниченный объект наблюдения. В случае экономического мышления нужно определять объект экономического размышления.

Рудольф Штайнер: И в биологии Вы только отчасти имеете «ограниченный объект наблюдения». Например, при наблюдении картины под микроскопом или единичных явлений, выделяемых из их взаимосвязи, Вы такового не имеете. Вы можете сказать, что имеете в капле крови observable объект. Но в тот момент, когда Вы рассматриваете его под микроскопом, Вы видите больше — в одном кубическом миллиметре существует от пятисот до шестисот красных кровяных телец, и все они действуют. Конечно, глаз это видит через микроскоп, однако это поразительно схоже с тем, что видят, когда рассматривают где-либо ограниченный экономический процесс. Предположим, Вы представляете себе лавку на ярмарке и рассматриваете, как здесь стоит лавочник, тут лежат его товары; а там находятся покупатели, он выдает товары, они кладут деньги, ... если Вы все это — я допускаю, что Вы способны представить такого великана — помыслите как что-то полностью сплоченное, единое, то не найдете между двумя картинами значительных различий. Экономический объект можно признать относительным в ограниченной сфере. Если я наблюдаю картина лавки со всем, что там есть, то это только относительно другое, чем, скажем, если англичанин в Китае продает опиум, и я наблюдаю все связанное с этим. Я не могу признать, что тут нет никакого объекта.

Вопрос Я как раз и не знаю, где начинается и где заканчивается экономика?

Рудольф Штайнер: Также не знают, где начинается биологическое. Ведь ни к чему не приводит, если впустую выдвигают сравнение ради

сравнения. А я только имею в виду следующее: понимать природу живого дает возможность то же самое, что дает возможность постигать экономическую. Необходимо только одно. В действительности, вероятно, то, о чем Вы говорите, таково: когда рассматривают природный объект, сам объект идет навстречу наблюдателю, в то время как в экономике субъект должен немного идти навстречу объекту. В экономике нужно обладать тем, что я вчера назвал духом. Таким образом, биологи могут, на худой конец, иметь еще мало духа и работать лишь с методами. Но чтобы мыслить экономически, требуется какая-то доля духа.

Вопрос Мне кажется, экономический процесс осуществлялся бы и без того, чтобы мышление стало экономическим; мышление еще только должно стать экономическим. А протекает ли экономика здоровым образом или болезненно, это все равно. Поэтому я все же могу говорить об объекте в экономике, так же, как и об объекте в естествознании.

Рудольф Штайнер: Господин Г. прав: различие состоит в том, что в экономике совершенно необходимо исходить из некоего субъективного восприятия того, что происходит в мире снаружи. Но в экономике это субъективное дается легче, чем в биологии. В биологии, конечно, человек всегда находится вовне — так как не надо быть майским жуком во время его изучения — и должен там находиться, но когда что-то наблюдают экономически, то только в очень незначительной степени остаются вовне. Все-таки нужно проявлять много человечности, чтобы хорошо понимать рабочего, а также и предпринимателя. Необходимо человеческое участие, и оно заменяет внешнее наблюдение, существующее в биологии. В этом отношении господин Г. прав. Но, с другой стороны, я полагаю, что, например, Гете потому дал такое хорошее определение теневых сторон понятия торговли, что очень далеко продвинулся в своем биологическом способе рассмотрения. Так, у Гете находятся порой удивительно меткие экономические представления. Это в некоторой степени связано с его морфологическим способом рассмотрения биологического. Природа играет в биологии роль того, что толкает вперед, если где-то нет духа. В экономике надо использовать уже сам дух.

Возражение: Есть теоретики, утверждающие, что не существует никакой экономической учения, так как не существует никакой экономики. Это говорит Шпанн.

Рудольф Штайнер: Он очень удивляет и слывет среди очень разумных людей особым светилем. Я занимался им слишком мало, чтобы иметь о нем какое-то мнение, а то, что говорят о нем очень разумные люди, для меня чрезвычайно неубедительно. Это только остроумная диалектика — говорить, что нет никакой экономики. Ведь есть также люди, которые говорят: нет никакой жизни, а только механизм.

Мы должны были бы теперь произвести специальное рассмотрение. Каждому нужно было бы попробовать показать на более конкретных примерах, где необходимы экономические процессы увеличения и уменьшения стоимости.

ТРЕТЬЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 2 августа 1922 года

Замечание. Снова поставлено на обсуждение понятие признания, и следовательно оно охарактеризовано Рудольфом Штайнером как неподходящее для экономической науки.

Рудольф Штайнер: Понятие признания ведет в экономическую философию, а не в самую экономическую науку как таковую. Кроме того, надо стремиться найти в экономической науке такие воззрения, которые, постоянно изменяясь, могут быть, по-возможности, пронесены через всю экономическую жизнь. С понятием признания, если не истолковывать его очень широко, трудно соотнести все экономические элементы. А с истинными понятиями это можно делать всегда. Я приведу пример: что произошло бы с этим возникшим вчера понятием, если бы, например, где-то в чердачной комнате обнаружилась до сих пор совершенно неизвестная картина Рембрандта и речь зашла бы об установлении совершенно определенной экономической стоимости этой картины. Я не имею в виду то, как бы это вообще происходило, но только как бы обстояло дело с понятием признания.

Замечание. Выдвинувший идею признания считает «политическое» ответственным за то, что сюда вводятся признания несоциальных процессов — например, незаработанных конъюнктурных прибылей.

Рудольф Штайнер: Если мы имеем возможность правильно претворить в жизнь трехчленное деление социального организма, то упразднится бы понятие «политического» в том виде, в каком Вы его развили. Тогда политическое существовало бы в правовом и полностью выпало бы из экономического, и тогда нельзя было бы использовать «признание» в качестве какого-либо политического влияния.

Однако все же остается вопрос: что такое «политическое»? Политическое является, собственно говоря, исключительно вторичным, производным понятием. Суть в том, что, исходя из чисто экономической точки зрения, нет никакого повода для политического. В выдвинутом Вами примере с предпринимателем, который рассчитывает на двести тысяч марок, дает рабочим восемьдесят тысяч, а получает вследствие ловкого ведения дела пятьсот тысяч, — в этом примере нет необходимости заходить в политическое. Представим следующее: если в результате хозяйственной деятельности получено больше, и если рабочих устраивает восемьдесят тысяч марок, они довольны этим, то ведь предприниматель может совершенно открыто сказать всем рабочим следующее: «Я рассчитывал на то, что получу в результате работы двести тысяч марок. Но было получено на триста тысяч марок больше. Мы основали дело при условии, что в результате хозяйствования будет получено двести тысяч. Триста тысяч были получены сверх того. Я нахожу по таким-то причинам, что для всего экономического организма, внутри которого мы находимся, будет полезнее, например, организовать на эти триста тысяч марок школу, чем разделить их между вами. Согласны вы с этим?» Здесь Вы имеете форму, при которой экономический процесс остался тем же, но Вам совершенно не нужно считаться с каким-либо политическим фактором.

Политическое является в мировой истории вторичным продуктом. Это основано исключительно на том, что простые, вероятно, в высшей

степени несимпатичные, но совершенно честные отношения с властью постепенно приобрели у людей форму войны. Хотя нельзя сказать, что война есть продолжение политики другими средствами, но политика есть современная война, перенесенная в духовное. И эта война основана на том, что противников обманывают, вводят в заблуждение. Каждый обходный маневр в войне, все возможное, кроме непосредственного открытого нападения, — все это держится на обмане противника. И тем больше заслуг приписывает себе полководец, чем более удачно он обманывает врага. Такова, с духовной точки зрения, политика. Вы найдете в самой политике те же категории.

Затрагивая политику, хотелось бы сказать: надо стремиться к тому, чтобы политика была преодолена повсюду, преодолена как таковая в политике. В сущности, мы имеем настоящую политику лишь тогда, когда все происходящее в политической сфере осуществляется в правовых формах. Но в таком случае мы имеем как раз правовое государство.

Вопрос относительно примера с портным.

Рудольф Штайнер: Иллюзия возникает потому, что квота, образующаяся за счет одного единственного костюма, чрезвычайно мала, и потребуется очень много времени, пока в балансе портного эта малая доля предстанет столь очевидно, что он в самом деле ощутит это как недостачу. Дело в том, что за счет разделения труда продукция фактически удешевляется. Если кто-то работает для общества с учетом разделения труда, то ему собственная продукция также обходится дешевле, чем когда он работает для, самого себя. В этом и заключается настоящее удешевляющее воздействие разделения труда. Если это разделение труда в какой-то момент нарушают, то удораживают соответствующий товар, который делают сами. Естественно, одна-единственная доля одного-единственного костюма, сделанного портным для самого себя, составила бы не очень много. Зато это стало бы заметно, если бы то же самое сделали все портные.

При продолжающемся разделении труда ни один человек не будет делать что-то сам, разве что в сельском хозяйстве. Если портной действительно изготовит себе костюм и захочет составить для себя совершенно правильный баланс, он должен будет вставить в этот баланс свой собственный костюм несколько дороже рыночной цены. Таким образом, его расходы должны быть выше рыночной цены. И не так уж важно решать тогда, в единичном случае, покупает ли он костюм на самом деле.

Само собой разумеется, что одежду покупают не у других портных, а у торговцев. Цена костюма у торговца дешевле — иначе не имело бы никакого смысла деление производства и торговли, — чем она была бы, если бы указанный портной работал без торговца. Таким образом, портной, если он работает без торговца, должен несколько повышать цену, так как торговцу поставлять костюм на рынок просто дешевле, чем если сам портной введет его в товарооборот. Самое большее, что Вы можете сделать, — это оговорку, которая была бы справедлива в некоторых случаях, что товары, сбытые без участия торговли, обошлись значительно дешевле, так как портной, получающий товары от торговца, должен включить в их цену стоимость транспортировки. Но

и тут Вы обнаружите, что за счет введения торговли дороги на самом деле также обходятся дешевле. Путем простого сравнения цены производителя и цены торговли Вы не сможете обнаружить, дороже или дешевле обходился костюм.

Вопрос. Цена одного костюма должна оказывать на другие костюмы ценовое давление. Почему другие костюмы стали бы дороже?

Рудольф Штайнер: Она оказывает ценовое давление тем, что устроивает один костюм из всего количества костюмов, продаваемых торговцами, и с этим костюмом она забирает у торговцев возможность выгоды, в связи с чем они должны требовать при продаже других костюмов большего дохода. Такое требование торговцами большей выгоды оказывает влияние на повышение цены их товара, но для портного это означает ценовое давление.

Вопрос. Но все же остается вопрос, а не будет ли для него это повышение цены меньше, чем повышение цены из-за расходов на дорогу при торговле.

Рудольф Штайнер: Вы нигде не найдете этого. Попробуйте решить проблему. Задача может быть непосредственно поставлена так: насколько удешевляюще действует торговля по отношению к самостоятельной продаже? Было бы важно сделать это темой диссертации. Вы бы увидели, что если поездки осуществляют пятьдесят портных и сами оплачивают себе все дороги, то и в самом деле это стоит больше, чем если бы поездки осуществляли торговцы.

Возражение. О костюме, который портной оставляет для самого себя, Вы говорите: если костюм идет через торговлю, то происходит удешевление. Так ведь костюм, удержанный портным для самого себя, сберегает все торговые затраты по товарообороту.

Рудольф Штайнер: Это имело бы какое-то значение, если бы торговля как раз не удешевляла. Но так как торговля удешевляет, то никакой выгоды не приносит то, что он оставляет костюм дома.

Замечание. Скажем, цена производства сто марок. Теперь присоединится торговля, и таким образом цена костюма доходит уже до ста двадцати марок. Она понижается благодаря торговцу до ста десяти марок. Если, однако, портной вовсе не вводит в товарооборот свой собственный костюм, то он все-таки экономит десять марок.

Рудольф Штайнер: Но в этом случае Вы должны рассматривать как некую полную экономическую реальность весь баланс, состоящий из суммы взятых торговцев и портных. Вы должны исследовать, как выглядит эта отдельная статья в общем балансе. Путем одного только сравнения отдельных статей баланса этого найти нельзя. Нужно оценить все в целом. Тогда Вы увидите: так как экономическое разделение труда обозначает более плодотворное использование работы, то я наношу ущерб и другим, и самому себе, если в условиях полного экономического разделения труда возвращаюсь к более раннему состоянию. Все сплетено так, что путем возврата на более раннюю стадию наносится вред также и самому себе. Иллюзия возникает за счет того, что трудно увидеть очень маленькую долю. Однако нужно лишь установить прогрессию: если Вы представите, что

все портные делают для себя костюмы сами, и они организовали ассоциацию, тогда то, что там должно вводиться в баланс как общая статья, будет означать уже нечто значительное.

Замечание. Для швейной промышленности это уже более очевидно.

Рудольф Штайнер: Совершенно верно. Но в таком случае надо извлекать имеющиеся причины. Когда речь идет только о разделении труда между производителями и торговцами, это очень маленькая статья. Она становится значительнее, если речь идет о дальнейшем разделении труда, когда портной вообще больше не производит весь костюм, но лишь его отдельные части. Тогда он, желая сделать себе собственный костюм, получит его существенно дороже, чем если где-то его купит. Я привожу это как радикальный пример, имеющий только принципиальное значение. Однако то, что позднее, при дальнейшем разделении труда, становится особенно заметным, полностью присутствует уже и в исходной точке разделения труда.

Вопрос Почему нельзя отнести это и к сельскому хозяйству?

Рудольф Штайнер: Я этого не говорил. Я сказал: все меньше остается того, что люди производят для себя сами, за исключением сельского хозяйства, где ясно, что сельский хозяин обеспечивает себя сам. В сельском хозяйстве, где и без того очень сильно изменяется общий экономический процесс, действительно не так много значит, берет ли крестьянин для себя зелень из собственного хозяйства или покупает. Если бы все же, в смысле трехчленного деления социального организма, существовало реальное экономическое отношение между сельским и несельским хозяйствами, тогда это было бы справедливо и для сельского хозяйства. Правда, сегодня, в сущности, имеют место всевозможные нелегальные перемещения товаров, и за счет этого соотношение цен между промышленностью и сельским хозяйством полностью подорвано. Это еще подлежит обсуждению в последующие дни. Если общий баланс какого-либо экономического района исследовался бы с помощью совместного баланса сельского хозяйства и промышленности, то можно было бы установить, что в сегодняшних обстоятельствах существенное из сельского хозяйства втекает в промышленность просто нелегальными путями. Однако если в какой-нибудь отрасли работы бы при наличии ассоциации столько или, по крайней мере, приблизительно столько рабочих, сколько допустимо для цен, то мы бы имели совсем другое распределение между городом и деревней. Недооценивают значение ассоциаций. По этой причине не очень легко ответить на вопрос: почему «Грядущий день» не является ассоциацией? Просто потому, что он недостаточно силен, чтобы обладать каким-то определенным влиянием на экономический процесс. Речь идет, прежде всего, о размерах ассоциаций. Что же хочет сегодня изменить между предпринимателями и рабочими «Грядущий день» по сравнению с тем, что было раньше? Нечто было бы возможным только в одном случае — я как-то говорил об этом на одном собрании, — только если бы рабочие «Грядущего дня», все без исключения, решили выйти из профсоюзов. Тогда началось бы движение, которое с другой стороны, со стороны рабочих, постепенно дало бы делу ход. Но до тех пор, пока эти рабочие просто принимают участие в забастовках точно таким же

образом, как и другие рабочие, совершенно невозможно говорить с этими рабочими так, как это было бы в идеальном случае.

Как необходимые последствия существования ассоциаций, прежде всего, большое количество фабрик переместилось бы из города в деревню и возникли бы другие подобные явления. Ведь не случайно существуют деревни, деревенские хозяйства. В примитивной экономике единственной формой хозяйствования является деревенская. Затем появляется рынок. Эти названия экономически намного более правильны, чем думают. Пока рынок действует на основе окружающих его деревень, до тех пор этот рынок, даже держащийся на принципе предложения и спроса, будет означать нечто экономически намного менее вредное — если там нет негодяев, что зависит от людей, — чем когда к нему присоединяется хозяйство городское. За счет этого радикально изменяется общее соотношение между производителями и потребителями. И тогда мы больше не имеем деревень, которые сами регулируют свой рынок, но открываем ворота и двери любым возможностям, возникающим, когда соотношение между потребителями и производителями уже не является понятным, когда оно усложняется. А это происходит в случае, когда люди скапливаются в городах.

Соотношение между производителями и потребителями невозможно рассматривать без разделения на ассоциации. Однако тогда изменятся соотношения, возникшие на основе предыдущей деятельности. Дело в том, что ассоциация будет не только организовывать, но и вести хозяйство. Здоровье каждого отдельного члена при наличии ассоциаций зависело бы от здоровья других членов — на этом основано взаимодействие всех трех членов социального организма.

Через некоторое время, все же не чересчур длительное, оказалось бы, что в городах совместно существовали бы государственные управленческие учреждения, центральные школы и тому подобное, то есть в основном духовная и правовая жизнь, в то время как экономическая и правовая жизнь были бы децентрализованы. Таким образом, совместная жизнь была бы разделена также и в пространственном отношении, но не на три совершенно различных члена; города представляли бы собой в основном переплетение духовной жизни с центральным, крупным горизонтальным управлением. А более мелкое управление кругом промышленных предприятий было бы там более децентрализовано. Это предполагало бы средства сообщения, намного более действенные, чем прежде. Они не так далеко смогут продвинуться вперед, так как не нужны для производства, концентрирующегося в городе.

Совсем непросто, мои глубокоуважаемые слушатели, говорить о трехчленном делении, так как тут многое зависит от взглядов. Если кому-либо сейчас описать, что при этом возникнет, то он скажет: докажите мне это! Да, ни один человек не может мне доказать теоретически, что завтра он станет голодным. Из опыта все же известно, что к утру он проголодается. А именно так и обстоит дело с правильным экономическим мышлением, а также с правильным экономическим предсказующим знанием. Вы должны принимать как

нечто реальное то, что подразумевалось здесь в качестве настоящего экономического мышления, и то, что начинают развивать такое мышление, которое само по себе действительно продуктивно. Кроме того, я мог бы спросить: какую экономическую стоимость имеет экономическое учение? То, что только наблюдают, относится в основном к потреблению и имеет совсем другую экономическую стоимость, чем то, что реально продумывают, — оно в основном относится к производству.

Вопрос. Портные оказывают давление на цену их изделия, если сами обеспечивают себя при разделении труда. Может ли такое быть также и для пуговицы или другой детали изделия?

Рудольф Штайнер: Мальчиком я жил в деревне, где был один сапожник — его звали Биндер. Он не признавал никакого обращения между ним и покупателями, если не осуществлял его сам. Он сам доставлял мне, моему отцу, моей матери каждую в отдельности пару сапог, которую он сделал. Из чего же состоит пара сапог? В данном случае она состоит из голенищ — они имели длинные голенища, — из верхней части, из подклада, из подошвы и из пути сапожника, который он проходил к нам. Путь также относится к этому. Совершенно безразлично, говорите ли Вы теперь о голенище, или о подъеме, или об этом пути. Разделение труда нигде не существует прежде всего благодаря тому, что забирают кусочек, который составляет путь. Для портного как раз это самое радикальное, так как здесь не так легко увидеть, что все относится к этому. Если я надевал сапоги, я знал: я иду по пути, который проделал сапожник!

Вопрос. Оказывается ли также давление на цену пуговицы, если я произвожу ее сам?

Рудольф Штайнер: В зависимости от обстоятельств. Вы здесь также по большей части потеряете; дело в том, что Вы можете в ней не нуждаться вовсе.

Возражение. Я предполагаю, что она мне нужна.

Рудольф Штайнер: Тогда появляется вопрос, зачем нужен Вам продукт. Если Вы измените его так — изменение может быть большим или маленьким, — что он получит действительную стоимость, тогда Вы, вероятно, ничего не потеряете.

Замечание: Мне он нужен для потребления, следовательно, для уничтожения.

Рудольф Штайнер: В сельском хозяйстве обстоятельства таковы, что там возникают другие поправки. Если бы разделение труда было проведено, это проявилось бы и там. Но Вы едва ли будете иметь возможность произведенный в условиях разделения труда продукт, если Вы удержите его за собой, использовать так, чтобы это произвело удешевление. Каравай хлеба еще очень близок к сельскому хозяйству. Все же именно с этим хлебом мы получили довольно фатальный опыт. Из абсолютно благих намерений мы поручили одному члену нашего общества — это было перед войной — изготовить гигиеничный хороший хлеб. И этот хлеб потом был отдан только членам нашего общества, другие его не брали. Хлеб получился настолько дорогим, что дело просто не пошло.

Замечание. Это был как раз качественный хлеб.

Рудольф Штайнер: Если бы разница в цене основывалась только на качестве, то это было бы справедливо. Но различие в цене было более существенным, оно обуславливалось тем, что традиционное производство полностью подпадало под действие принципа значительного разделения труда, в отличие от производства, осуществленного членом нашего общества. Он готовил хлеб так, что не разделил свое производство среди столь же большого количества людей, как другие; таким образом, он произвел существенно дороже.

Вопрос. Как обстоит дело с модной вещью?

Рудольф Штайнер: Мы теперь находимся в области экономической, а не эстетической. Я совсем не хотел касаться вопроса, что было бы вероятно, гораздо лучше, если бы избежали разделения труда в некоторых областях. Я даже против того, что разделение труда проводят во всех областях, — не из экономических соображений, а на основе личных вкусов. Я нахожу даже ужасным, когда разделение труда проводят вплоть до выполнения отдельных операций, например, в одежде человека. Однако здесь нужно сказать: мы должны осуществить свободную духовную жизнь, и, конечно, это нам сначала будет чего-то стоить. Отдельные вещи вздорятся, но произойдет выравнивание, хотя отдельные продукты, не включенные в разделение труда, станут дороже. Я прошу не понять это так, что я хочу стать фанатиком...

Вопрос. Как обстоят дела, если торговцев значительно больше, чем это экономически оправдано?

Рудольф Штайнер: В сказанном мною предполагается, что торговцев имеется ровно столько, сколько экономически оправдано. Здесь мы имеем дело не с прямолинейно идущей прогрессией, а с положением между максимумом и минимумом. Какое-то определенное количество торговцев будет благоприятно влиять на торговлю. Выше и ниже этого — неблагоприятно.

Вопрос. Это число можно установить?

Рудольф Штайнер: Если вообще хозяйствуют разумно, то устанавливают число торговцев так же твердо, как и производителей. Ведь сегодня нигде не осуществляется принцип разумной экономики. Не думают о том, что делается чудовищно много ненужной работы. Подумайте только о книгопечатании. Если бы Вы избавились от всех этих ненужных работ, то всюду приблизились бы к настоящим цифрам. Избавление от ненужного труда уже уменьшит количество людей, занятых в какой-либо отрасли. Сегодня положение вещей таково, что торговля потребляет фактически больше, чем сами производители. По крайней мере в Германии.

Для каждого товара должно быть определенное количество торговцев. Однако, в конце концов, надо также обдумать, что сама торговля иногда скрыта. Она заменяется чем-то другим, самыми разными обстоятельствами. Подумайте только, насколько может быть заменена торговля, когда, к примеру, устраивают большие базары. Так создается совсем другая экономическая категория.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 3 августа 1922 года

Вопрос. Можно ли еще говорить о стоимости, если вещь

выполнила свое предназначение? Как обстоят дела, если вещь вновь попадает в народнохозяйственный процесс? Обозначает ли снос дома обесценивание, то есть потерю стоимости, за счет человеческой работы? Имеет эта потеря стоимости какой-либо смысл или нет? Можно ли говорить о потере стоимости посредством человеческого труда только тогда, когда не создаются новые ценности?

Рудольф Штайнер: Обсудите это! Тогда появятся такие темы, как, например, каменный и бурый уголь. Кто-нибудь пришел бы к идее, что каменный уголь, просто как вещество, более ценный объект, чем бурый уголь. Однако он должен был бы тогда защищать этот тезис. Другой предположил бы несколько рискованный тезис о том, что механический труд, как правило, не оказывает удорожающего воздействия. Уважаемые присутствующие должны будут возразить тому или этому. В таком случае вопрос наделения стоимостью и потери стоимости не будет исчерпываться ссылками на исключительные явления, такие, как подводные лодки, а речь пойдет о том, что в непрерывном процессе экономической жизни все же именно благодаря труду происходят хозяйственно необходимые потери стоимости.

Различные вопросы по ходу.

Рудольф Штайнер. Речь идет о том, можно ли говорить — исключительно в экономическом смысле — об установлении и потере стоимости благодаря труду или нельзя. Когда теряют стоимость, то есть обесцениваются машины, то это является хозяйственным потреблением. Речь идет не о том, представляет ли собой потеря стоимости цель труда, а о том, необходима ли в хозяйственном процессе потеря стоимости, которую можно осуществить только благодаря труду.

X: Обесценивание стоимостей посредством труда происходит с целью установления на этом месте более высоких стоимостей (промежуточных стоимостей).

Рудольф Штайнер: Можно привести этот пример. Однако он не абсолютно безупречен. Есть намного более простой, совсем обыденный пример: когда вы работаете, наматывая на шпульку нитки, то тем самым вы производите продукт. Он появляется за счет того, что в результате труда произведена эта шпулька с нитками. Если я продолжаю труд дальше, то я должен размотать нитки со шпульки. Здесь нужен труд. При наличии промежуточной деятельности необходимо, чтобы произведенный в этом процессе труд был, в свою очередь, использован.

Вопрос. Существовало бы то же самое при перемещении продукции?

Рудольф Штайнер: Это имеет место, по меньшей мере, когда вы переносите дорогу в другое место. Тогда Вы должны обесценить первую стоимость, чтобы дать второй дороге правильную стоимость. Если у вас имеется ведущая куда-то дорога, а вы захотели проложить ее сюда, то Вы произвели обесценивание за счет перемещения. И такие вещи обнаруживаются повсеместно. Это потери стоимости, то есть обесценивания, которые становятся необходимыми и для которых требуется совершение труда. Обычно их не замечают, однако, они существуют всюду. Например, углекоп добывает уголь для паровоза.

Кочегар должен его снова перелопачивать. Если вы хотите установить лишь понятие, то можете сказать: это непрерывный процесс. Однако этого было бы недостаточно. Поскольку здесь непрерывный процесс невозможен, Вы должны рассчитать, сколько стоил бы непрерывный процесс, если бы я сразу готвил уголь, в противоположность тому, сколько он стоил бы, если бы я постоянно выполнял частичный процесс и снова должен был бы его рафушать.

Вопрос Может ли также и упаковочная промышленность служить примером?

Рудольф Штайнер: Да, несомненно. Совершенно блестящий пример, где Вы действительно не можете привести понятия обесценивания, а также понятия одного лишь потребления за счет изнашивания, как при точке бритвы парикмахером. Тут продукт, обладающий стоимостью, разрушается, и это является необходимым хозяйственным трудом. Потребление состоит только в затуплении. Но чтобы полностью обесценить, необходим труд.

Вопрос Собирать старое железо, продавать, переплавлять, применять снова — можно ли эту переплавку также назвать переоценкой?

Рудольф Штайнер: Это равнозначно использованию отходов. Это нельзя было бы назвать обесцениванием.

Замечание: Однако один процесс закончился!

Рудольф Штайнер: Да, и после этого я открываю, что то, что имеется там как продукт природы, я вновь могу использовать. Должен существовать критерий необходимости человеческого труда для проведения процесса обесценивания.

Для железа переплавка не является, собственно говоря, процессом распада. Конечно, вещи могут быть неоднозначны. Можно что-то понимать так или иначе. Это можно было бы понять также как продукт обесценивания.

Вопрос Обесценивание за счет войны — разворочено снарядами — его бесполезно растрчено?

Рудольф Штайнер: Для того, кто не является победителем, это обесценивание.

Вопрос Можно ли вообще относиться к военному оснащению как к созданию стоимостей в хозяйственном смысле?

Рудольф Штайнер: Это может стать хозяйственным только благодаря своим последствиям. Военная промышленность не является образцовой стоимости, пока она лишь запасает. В этом случае она, по своей сути, является разрушающим трудом, только нельзя говорить: необходимым.

Замечание. То, что потребляется сверх нормальной потребности, военные принадлежности и так далее, создает, к примеру, после окончания войны дефицит.

Рудольф Штайнер: Нужно иметь в виду, что ненормальное потребление, которое там возникает, имеет определенное родство с потреблением рантье в экономическом обществе. Это потребление существует. Если его непременно хотят оправдать — а сегодня с ним борются, — то, конечно, для всех вещей имеется некое оправдание. Потребление рантье можно оправдать, если земельное производство

дает дохода больше, чем обычно может быть израсходовано другой частью населения. Для восстановления хозяйственного равновесия, смотря по обстоятельствам, потребление рабoтe хорошо. С этой же точки зрения имеется экономическое оправдание вооруженных сил. Это оправдание основано на том, что люди говорят: имеются вещи, и их можно производить. Не было бы никакого хозяйственного равновесия, и оставалось бы какое-то количество безработных, если бы как раз вооруженные силы не потребляли, не производя. Ведь они, собственно говоря, ничего не производят.

Вопрос Можно ли рассматривать вооруженные силы как консервацию пшеницы или что-либо подобное?

Рудольф Штайнер: Такое воззрение имеется: в школе Родбертуса. В ней оборона считается производительным фактором. Это зависит от того, какими представляют себе те или иные условия экономики. И если бы представляли, что оборона за счет вооруженных сил не нужна, то они бы отпали. Но пожарная машина не может отпасть, поскольку она, как и завоd, соответствует нормальному потреблению. Тот, кто принимает вооруженные силы за нечто абсолютно необходимое, должен рассматривать их как необходимое потребление. Однако здесь появляется возможность дискуссии о вопросе потребления. Известны люди, принимающие самое странное за абсолютно нужные для употребления вещи. Тут в оценке начинают играть роль понятия потребления. А они неустойчивы.

Вопрос Механическая работа, например, сила воды в турбинах, сберегает труд человека. Происходит ли определение ее стоимости так, как если бы механический труд был бы выполнен благодаря человеческому труду?

Рудольф Штайнер: Представьте себе весы, имеющие неодинаковые плечи рычагов; на одном плече рычага я имею большую нагрузку и тогда должен поместить определенный вес на другой. Только при таком положении вещей я могу совсем маленьким весом удержать в равновесии очень большой. Так обстоит дело и с экономическим распределением таких вещей, которые Вы назвали «механически выполненным трудом». Труд, который должен быть выполнен, будет только сравнительно меньше, как в случае с весами. Однако некоторое количество действительно имевшего место труда вы всегда найдете в результатах механического труда. Вы не можете просто получать нечто лишь благодаря природе. Если вы хотите только положить куда-то камень, чтобы он произвел работу, то должны, по крайней мере, принести его. Вы всегда должны затрачивать небольшую человеческую работу. Однако эти вещи не относятся к экономике, где обстоятельствами функционально обуславливается соотношение затраченного труда и его результатов.

Вопрос Механический труд сам по себе все же не удораживает продукт?

Рудольф Штайнер: Если Вы рассматриваете труд в общей связи, тогда Вы должны везде рассчитывать долю.

Вопрос Как встраивается обесценивающий труд в экономический процесс?

Рудольф Штайнер: Если имеется непрерывный экономический

процесс, в котором вы должны обесценивать — представьте, что Вы имеете такое большое дело с бритвем, что для точки лезвий должны взять тупильщика, — то вы, конечно, должны подытоживать работу этого рабочего другим образом, нежели подытоживаете труд тех, кто бреет. Конечно, внешне это тоже труд, но в экономический процесс он входит по-другому, а именно — негативно.

Вопрос. Что же происходит при обесценивающем труде? Это ведь дарение, так как ему не соответствует никакой эквивалент.

Рудольф Штайнер: Изменяются только знаки стоимости. То же самое повсюду. Когда вы имеете возникновение стоимостей, которое обозначаете в непрерывном экономическом процессе как положительное (+), тогда вы должны обозначать потерю стоимости как отрицательное (-), в то время как если ничего не произойдет, вы поставите ноль.

Замечание. Если новая машина заменяет какой-то процесс, то продукт становится дешевле просто потому, что экономится труд. Образует этот труд стоимости или устраняет их, совершенно безразлично.

Рудольф Штайнер: Да, дело обстоит так, что все время в результате получается одно и то же. Но при этом постоянно остается еще разделение на образование и устранение стоимости. Само собой разумеется, что при подведении итога вы получаете положительный результат, если машина вообще еще требуется... Вопрос состоит исключительно в том, необходимо ли тратить труд для разрушения, то есть для обесценивания стоимостей, которые уже были использованы в экономическом процессе.

Вопрос не записан.

Рудольф Штайнер: Тогда будет нужно, чтобы не оставалось никаких неясных понятий, согласиться с тем, что выпить чашку чая — это экономический труд.

Возражение: Я не могу допустить это как труд. Отсутствует критерий труда.

Дальнейшее замечание: Когда поглощают пищу, то все же создают в себе стоимости, которые в состоянии произвести дальнейшую работу, точно так же создают машины для создания стоимостей.

Рудольф Штайнер: Однако то, что происходит в человеке, невозможно включить в экономику. Это привело бы к марксистской теории.

Напротив, спросивший имел в виду нечто другое. Вы же полагаете, что питье чашки чая может произвести экономическую стоимость, а поэтому является хозяйственным трудом.

Замечание: Если духовный работник поддерживается хозяйственными экономическими стоимостями, то промежуточным результатом будет то, что он сможет поесть и станет духовно деятельным и бодрым. Последствие остается прежде всего внутри его личности, но на этом дело не заканчивается. Результаты передаются в экономический процесс. Это были бы последствия, исходящие от субъекта.

Рудольф Штайнер: Однако их нельзя просто втискивать в

экономический процесс, если не присоединяется что-то еще. Вы же не можете выпить чашку чая и принимать это за производительное. Чашка чая стала бы экономическим фактом только тогда, когда Вы, захотев что-то произвести, кроме вашего привычного питания выпили бы еще чашку чая и за счет этого смогли работать больше, чем если бы работали без чашки чая. Тогда можно было бы говорить о том, воспринимать ли это как экономический труд.

Замечание. Поскольку я потребляю чай, в колониях могут осуществлять его сбор. Я, собственно говоря, устраняю стоимости и тем вновь создаю возможность для производства новых экономических стоимостей.

Рудольф Штайнер: Если Вы хотите определить экономические стоимости в позитивном смысле, то переходите на другой уровень, обсуждая вопрос, насколько необходимо потребление для продолжения экономического процесса. Это вопрос, который, собственно говоря, не имеет ничего общего с экономикой.

Замечание. Я хотел бы обесценение, состоящее в том, что выпивается чашка чая, для того чтобы снова можно было осуществлять труд, поставить на ту же ступень, что и пример с врачом и сапожником. Сборщик чая затрачивает труд. Я пью чай. Сборщик чая помогает меня привести вновь в состояние совершать труд.

Рудольф Штайнер. Если мы ставим вопрос так, то для сборщика чая в чае, как продукте природы, появится экономическая стоимость. Это есть возникновение экономической стоимости. Однако появится ли стоимость в том же смысле при питье чая экономическая стоимость?

X: Она пропадает, стоимость теряется.

У: Я бы сказал, происходит превращение стоимости.

Рудольф Штайнер: Собственно, это превращение нельзя осуществить, так как тогда Вы были бы должны каждое потребление, каждый расход обозначать лишь как превращение.

Замечание. Превращение в энергию.

Рудольф Штайнер. Тогда мы выходим из экономической области и входим в естественнонаучную. Тогда Вы включаетесь в природный процесс, который больше не относится к экономическому.

Возьмите процесс питья чая! Вы выпиваете чай. Таким образом, Вы позволили стоимости, которая была там заложена, исчезнуть из экономического процесса. В этом нет вопроса. Теперь за счет чая Вы становитесь крепче — я хочу сделать это предположение — для выполнения хозяйственной работы. Она как таковая еще не представляет собой стоимости, а становится стоимостью, когда Вы прикладываете ее к продукту природы. И теперь экономическое образование стоимости снова возникает в тот момент, когда вы обращаетесь к продукту природы. В случае образования стоимости совсем не возникает вопрос, стали ли Вы теперь сильнее или нет, но образование стоимости начинается только после Вашего укрепления. Таким образом, то, что происходит в вас через питье чая, даже если Вы благодаря питью чая станете атлетом, не является тем, что Вы вносите в экономический процесс.

Этот природный процесс должен быть исключен, также как и стоимость земли. Конечно, Вы имеете возможность его включить, но

тогда это будет аналогично тому, как если бы Вы включили в экономические процессы дождевых червей, не применяя к этому труд человека. Когда дождевые черви проходят сквозь пахотное поле, они делают его плодородным. Но Вы не можете включить это в экономический процесс. Попробуйте только проследить это в дальнейших выводах. Вы увидите: если считать образующим стоимости потребление, благодаря которому Вы становитесь сильнее, то можно прийти к экономическому порядку, где труд сам по себе уже является образующим стоимости. А он является таким только в соединении с природой или человеческим духом.

Невозможно в результате получить экономическое, если существующие в человеке или природе процессы брать с собой в экономику.

Вопрос. Как тогда рассматривать дарение?

Рудольф Штайнер. Я могу говорить при дарении об устранении стоимости, так как я еще не говорю об экономике, пока принимаю во внимание только человеческие способности, для которых могу применить дарение. Прежде всего, когда я даю стипендию, я позволяю этой стоимости исчезнуть в экономическом процессе, пока она не появится снова.

Замечание. Едва ли можно увидеть, как влияет дарение далее.

Рудольф Штайнер. Дальнейшее влияние очень сильно зависит от таких факторов, которые вообще не поддаются какому-либо учету. Иначе вы должны были бы вводить в экономику, например, прилежание. Одно прилежание было бы экономически фиктивной стоимостью, не только фиктивной, но даже невозможной стоимостью.

Я мог бы в моральном смысле, если бы, скажем, имел мастерскую, порицать моих рабочих, когда они ленивы; экономически я накажу их, только если они мне ничего не произведут. Экономически меня касается лишь то, что они производят. Морально меня касается, прилежны они или ленивы.

Вопрос. О труде можно говорить только в экономике с разделением труда?

Рудольф Штайнер: Только когда начинают взаимно трудиться друг для друга, можно говорить об экономическом труде.

Вопрос. Можно ли говорить о труде в примитивном хозяйстве?

Рудольф Штайнер: Можно было бы говорить об этом, проследив, как отец осуществлял некий труд, как потребляли он, его жена, его сыновья, его дочери, как в дальнейшем его дочери выполняли другой труд и так далее, как таким образом они трудились друг для друга — лишь тогда.

Вопрос. Итак, как прийти к понятию труда?

Рудольф Штайнер: В экономическом смысле понятие труда образовать очень легко. Оно возникает тогда, когда имеют для себя продукт природы, который с целью потребления был изменен человеческой деятельностью.

Вопрос. Безразлично, потребляется ли он?

Рудольф Штайнер: Он, по меньшей мере, должен быть сделан пригодным к потреблению, так как тогда он имеет стоимость.

Вопрос. Нужно ли всегда принимать во внимание продукт природы

или предмет, если стоимость возникает за счет духовной организации труда, или нужно потом посмотреть, имеется ли предмет, к которому был применен организованный труд?

Рудольф Штайнер: Вы не можете в таком случае принять во внимание предмет, так как обстоятельства таковы, что в той связи, с которой вы имеете с ним дело, сохраняющегося предмета здесь нет. Дух может быть потрачен исключительно на деление, расчленение работы. Тогда не имеет дело ни с каким предметом.

Вопрос Тогда он не попадает в понятие труда, работы?

Рудольф Штайнер: Это вторичное понятие. Труд есть та человеческая деятельность, которая затрачивается, чтобы сделать продукт природы пригодным к потреблению. Это есть труд в экономическом смысле. Вы должны его сейчас воспринимать как окончательное понятие. Дух может прийти и разделить эту работу. Однако то, что вы теперь хотите постичь как единый хозяйственный процесс, может по ходу удаляться от продукта природы. Это может существовать в чистом расчленении, в чистом делении работы.

Вопрос Относится ли к этому устранение стоимости за счет работы?

Рудольф Штайнер: Обесценивание стоимости негативно только для стоимости. В том случае, когда вы делаете что-то пригодным к потреблению, вы не следуете в обратном направлении. Это происходит только относительно наделения стоимостью.

Замечание: Когда вы делаете что-то пригодным к потреблению, все-таки присутствует именно возвращение от более высокого процесса к более низкому.

Рудольф Штайнер: Вы сначала наматываете шпульку. Для этого необходим труд. Тут вы образуете стоимость. А потом вы разматываете шпульку. Здесь вы разрушаете стоимость. Однако если вы рассмотрите обстоятельства, то найдете, что продукт, годный для потребления, возник до разрушения, и затем конечной целью труда вновь является продукт, годный для потребления. В случае труда речь идет о том, чтобы сделать данный природой предмет пригодным для потребления. Вы только включили существующее до потребления. Вам нужно какое-то количество процессов, чтобы дать возможность потреблять его в других процессах. При таком потреблении, когда происходит обесценивание стоимости, совершается необходимый труд.

Замечание: Беспольный труд должен быть определен именно как труд, так как его продукт был доведен до возможности быть потребленным.

Рудольф Штайнер: Если Вы хотите иметь понятие экономического труда, то так и определите его; однако понятие экономического труда еще не является стоимостью. Оно только дает определение труда. В экономике речь идет совершенно не о том, чтобы находить применение хозяйственным работам, а о том, чтобы производить стоимости.

Х: Преподающий также осуществляет труд.

Рудольф Штайнер: Это — вопрос. На это в самом деле не так-то легко ответить.

Х: Я имею в виду свободную духовную деятельность.

Рудольф Штайнер: Она относится к области обесценивания стоимости, однако не обесценивания за счет труда.

Х: Но, заглядывая в будущее, он производящий. Для этой цели он трудится.

Рудольф Штайнер: Здесь мы получаем возможность дальше проследить понятие труда. Конечно, преподавание нужно обозначить самое большее как хозяйственную стоимость, но, спрашивается, если представляют, что такое представляет собой понятие труда в экономическом процессе, можно ли тогда, если преподавание называют трудом, определить этим понятием что-либо еще. Конечно, труд уже совершается тем, что преподающий говорит, расхаживает, изнашивается. Совершается некий вид труда. Однако это не является тем, что вливается в экономический процесс. В него вливается организующая деятельность, которая даже не находится в связи с совершаемым трудом. Поэтому так различен преподавательский труд. Непоседа может выполнить много труда за счет суеты. Другой может выполнить много труда посредством проверки. Однако тот, кто преподает с определенным спокойным тактом, также совершает труд. Но этот труд не входит в экономический процесс, а является свободной духовной деятельностью.

Замечание. При совершении труда один напрягается много, а достигает малого, другой напрягается меньше, а достигает многого.

Рудольф Штайнер: Здесь мы также имеем уже относительно освобождающийся труд. Мы имеем в самом деле привязанный к предмету труд, который становится все свободнее от предмета. При свободной духовной деятельности он совершенно освобожден от объекта. И то, что упомянутый субъект «трудится», неважно. Труд учителя не представляет собой то, что в дальнейшем учитывается в экономическом процессе для учителя. Экономически учитывается его способность, его образование, все другое, только не то, что он осуществляет как труд.

Вопрос. Почему свободная духовная деятельность является обесценивающей стоимостью?

Рудольф Штайнер: Она является обесценивающей в том смысле, что то, что с одной стороны формируется как стоимости, она снова ликвидирует. Римляне имели очень тонкую инстинктивную экономику — только пригодную для другого народного характера, поскольку говорили не только о хлебе, но о хлебе и зрелищах. И они включали и хлеб, и зрелища в то, что с их позиций должно было входить в социальный организм. Они говорили себе: совершенно точно так же, как коврига хлеба после ее производства должна исчезнуть — она действительно должна исчезнуть, — так и то, что существует в самом труде для производства хлеба, фактически должно, в свою очередь, исчезнуть в социальном процессе — в труде для проведения зрелищ. Это представляет собой взаимное уничтожение, как повсюду, где имеется организм, существует взаимное созидание и разрушение. Так и здесь. Таким образом, вы можете на самом деле видеть, как духовная деятельность, которая совершается на другой стороне, не должна процесс, а ведет его обратно. Поэтому я обозначаю его всегда как кругооборот. Природа, труд, капитал. Природа, труд, капитал — все это снова возвращается в себя, и весь процесс возобновляется, когда вновь приходит к природе.

Вопрос. Можно ли частнохозяйственный труд также включать в экономическое понятие?

Рудольф Штайнер: Даже нужно! Внутри частного хозяйства это именно так.

Возражение: Я имею в виду, что не могу включать частный труд в понятие экономики.

Рудольф Штайнер: Это происходит потому, что здесь в сказанном имеется некоторая неясность. Налицо неточность, что народным хозяйством называют уже объединение частных хозяйств. Нужно иметь понятие более высокого порядка.

Вопрос Является ли труд деятельностью, которую нужно направлять на совершенно определенный предмет, чтобы сделать его пригодным к потреблению?

Рудольф Штайнер: Это как раз такой случай. Есть задача — образовать в экономической сфере не просто, я бы сказал, абстрактные философские понятия. Они, смотря по обстоятельствам, могут хорошо подходить лишь для философского времяпрепровождения или для упражнения. Однако в экономике речь не идет о том, чтобы образовать правильные понятия, но понятия, которые можно применять. Такие люди, как экономист Лоренц фон Штайн, образовали удивительно остроумные понятия, однако многими из них интересуются только экономические философы. Эти понятия не имеют никакого экономического применения.

ПЯТОЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 4 августа 1922 г.

Х ставит на обсуждение проблему валюты и ее колебаний. Он полагает, что за этими колебаниями стоят определенные личности.

Рудольф Штайнер: Такое существует и относится к частичным причинам. Очень трудно назвать что-то как основную причину, так как в различные времена это сильно меняется. Ведь состояние валюты определяется стечением всевозможнейших обстоятельств. Главной причиной недавних потерь валюты стало несоответствие золотой и бумажной валюты в собственной стране.

В основном дело обстоит так, что золотой стандарт в странах со слабой валютой не играет больше решающей роли. По сравнению с этим в странах с хорошей валютой, обладающих золотыми стандартами, еще существует золотое покрытие, что, естественно, обуславливает существенно иные кредитные отношения таких стран. Вопрос валюты есть прежде всего вопрос кредита. Разумеется, если возникает нечто подобное кредитному ущербу в какой-либо области экономики, можно снова использовать такое же основание для того, чтобы идти дальше. Можно в соответствии с биржей вновь получить кредит. Этого добиваются сравнительно бесполезные предприятия у себя в стране. Вне всякого сомнения, в настоящее время не существует никаких оснований для падения немецкой марки в том объеме, в каком оно произошло в действительности, ему в большой мере содействуют спекуляции самой страны, осуществляющей продажу за рубеж и увеличивающей тем самым свое имущество. Затем однажды все это приводит валюту к постепенному падению. Тогда дела начинают идти

так же, как в Австрии. Что еще повлияло в России, сказать трудно. В Австрии и Германии все произошло из-за снижения золотых запасов, ослабления кредитных отношений, спекуляции в собственной стране. В Германии делают ставку на экспорт, в Австрии сейчас рассчитывают удержать иностранную наличность, благодаря чему она становится дороже, так что в Австрии крона подавляется франками, долларами и так далее, которые имеются в самой стране. Этого вообще могло бы не быть, если бы не поднялись и так дорогостоящие валюты. Тогда это может иметь последствия в собственной стране, и вследствие этого ситуация уходит из под контроля. Однако начало неприятностям было положено тем, что во время войны немецкое золото в чрезвычайных больших масштабах было собрано и забрано государством, которое позаботилось о том, чтобы золото ушло из страны. У народа совсем нет золота. Это существенно. Сегодня можно проводить только сравнения золотого фонда государственного банка с золотым фондом народа до войны.

Конечно, с этим связаны и другие моменты, однако их нельзя охватить полностью. Стоит только удержать определенную валюту в стране, как это вновь влияет на собственную валюту. В соответствии с состоянием валюты за рубежом можно вводить ускорение или замедление; в связи с этим состоянием опускается или даже падает валюта страны, которая относительно бедна. В этом отношении отдельные личности ведут легкую игру во вред другому государству. Трудно установить собственную вину страны. Очень значительные суммы разгрызаются в спекуляциях отдельных людей.

Вопрос Некоторые говорят, что вина за валютное бедствие лежит на нарушении платежного баланса более бедными странами по отношению к другим странам. В Германии на это ухудшение повлияли, главным образом, выплаты за границу без получения эквивалентов. Тогда появился остаток в пользу Антанты. Это было решающим.

Рудольф Штайнер: Это никогда не могло бы привести к такой девальвации валюты, как в Германии и Австрии. Мнение, что разрыв между золотым стандартом и бумажными деньгами является только внешней стороной, по существу, неправильно, так как в действительности перед войной бумажная валюта была обеспечена золотом. Это реальный экономический факт. И теперь нужно принять во внимание, что пока для бумажной валюты в основном имеется золотое обеспечение, практически невозможно никакая инфляция. Таковы взаимосвязи. Если золото исчезает, то возникает инфляция. И тогда вы можете путем той безумной инфляции, которая осуществилась, так как не признавали необходимым считаться с золотым стандартом, сделать деньги такими дешевыми, какими они и стали. Следовательно, влияние на наш золотой стандарт Англии путем скачков цен на золото, когда здесь его нет, это одна из основных причин, которые пускают в действие и подрывают кредит. И когда дело доходит до кредита, начинает играть свою роль платежный баланс. Дело сначала надо сдвинуть.

Причина девальвации валюты существовала уже перед войной. Вспомните, как во время войны постоянно говорили о том, что Германия погибнет по причине нехватки денег. Во время войны это было

невозможно. Однако когда война была закончена и границы стали экономически более открытыми, проявилось то, что возникло во время войны. Это и привело в движение лавину. Тогда взаимодействовали все возможные причины. На платежный баланс можно сослаться, только если его цифры превращаются в реальные показатели. Пока они являются абстрактными показателями, на платежный баланс сослаться невозможно. Он должен сначала что-то означать, не только разницу.

Х: Золото уходит за границу и действует обесценивающе, пока существует золотой стандарт.

Рудольф Штайнер: При сегодняшних наших экономических отношениях, в основу которых положен золотой стандарт, несомненно, что страны, не имеющие золота, в оценке своей продукции в основном зависят от стран, имеющих золотой запас, и от этого затем зависит и стоимость денег. Можно великолепно постичь эти вещи на примере чудовищных переворотов в мире, однако, последствия столь чудовищны, что хотят найти еще «совсем тайные причины». Но именно девальвация валюты не так сокрыта, как все время желают представить; скорее в основе этого явления лежит то, что действительно странном образом люди сегодня совершенно не могут оценивать события.

Я часто говорил после окончания войны: тот, кто соответствует нашим образом рассмотрит обстоятельства, найдет, что по отношению к произошедшим с 1914 года изменениям мы прожили приблизительно столько столетий, сколько на самом деле прожили лет. И, собственно, кое-кому тоже кажется анахронизмом, что некоторые вещи остались без изменений. Они чувствуют, что в течение пяти-шести столетий обычно изменяется язык, и что является анахронизмом говорить в основном так, как в 1914 году. Но это не производит на людей очень сильного впечатления.

Если обращаются назад, в историю, то обычно обозревают большие периоды времени. Попробуйте изучить хотя бы колебание цен на зерно, например, в XV-XVI столетиях в Англии, и тогда вы увидите, что при изменениях, которые осуществлялись совсем не столь сумбурно, там были колебания цены на зерно выше обычной в двадцать раз. Отсюда вы можете сделать вывод, как, собственно говоря, должны оцениваться вещи, которые произошли с 1914 года. Люди не верят этому, так как не имеют никакого понятия о качествах жизни. Так, только тогда, когда деньги уже были разоблачены, люди заметили, что именно деньги являются нечестным партнером. Люди инстинктивно уважают лишь собственный бумажник. Только когда здесь что-то случается, а люди в любом случае думают посредством денег, то они замечают падение валюты. Однако, если сейчас рассматривать жизнь качественно — прошу вас, возьмите Россию, возьмите весь комплекс русской жизни, пронизанный образом мыслей от «бушуйки царя» и до Ленина, — то что же вы должны там увидеть наряду с метаморфизирующимися формами? Там, в сущности, само обесценивание русской валюты является только родом барометра того, что произошло в жизни. Таким образом, дело не так необъяснимо. Происходит ужасное, а станет еще ужаснее. Однако дело это понятно просто из хода других событий.

Вопрос Имеем ли мы уже сегодня действительно мировое хозяйство?

Рудольф Штайнер: Так формулировать эту мысль нельзя. Сначала вы должны взять состояние перед мировой войной. Уже тогда в большой степени происходил поворот в мировом хозяйственном процессе. Вам нужно взять только международный чековый оборот, и вы получите уровень уже достигнутый мировым хозяйством. Мышление людей не следует в соответствии с этим возникновением мирового хозяйства. Если бы мышление следовало фактам, то были бы совершенно невозможны уже перед войной все эти мучения человечества, возникшие благодаря всяческим таможенным барьерам. Это было заложено уже в линии Версальского передела мира. Не хотели следовать мышлению. Хотели исправлять факты. Если что-то чему-то не соответствовало, то где-то на границе открывали таможенню. Однако обстоятельства таковы, что мы, вопреки всем таможенным барьерам, уже достигли высокой степени мирового хозяйства. Когда уже существует высокая степень мирового хозяйства, то цена поездки на трамвае из Дорнаха в Базель зависит от состояния дел в Америке. Постепенно все в большой степени пришло к ценам мирового хозяйства. Таким образом, это уже имело место. Многие в своей реальной оценке посредством денег было просто таким, как если бы уже развилось до высокой степени из мирового хозяйства. В результате войны внезапно возникли барьеры, которые обусловили хозяйственное обращение, не соответствующее тому, что уже сложилось.

И после этого люди все еще не начали следовать мышлению, поэтому в Версале попытались исправить вещи совсем в старом стиле. Раздел Австрии абсолютно не годится для какой-либо цены, например, австрийского пароходного сообщения, угля, чего-то еще. Сделанная там судорожная попытка преодолеть факты со старыми мыслями, в то время как в большой степени уже имелось мировое хозяйство, создало сначала хаос. Путем ограниченного мышления можно было бы прийти к тому, что сначала возникнут именно народные хозяйства. Однако это не тот случай. Наличие сильных колебаний валюты свидетельствует, что мировое хозяйство существует: ведь в Австрии существуют всевозможные стоимости на уровне мировых, и, таким образом, это влияние мирового хозяйства. Это вещи, которые все-таки доказывают, что сегодня нельзя просто игнорировать мировое хозяйство.

Вопрос Если Америка предоставит России заем, чтобы поднять Россию путем строительства железных дорог и так далее, то последствием станет то, что деньги в Россию будут вложены, и что американцы будут просто обладать перечнем имущества, без надежды когда-нибудь получить его.

Рудольф Штайнер: Если бы Америка решилась на пожертвование денег — в какой бы форме оно ни происходило, — то это было бы дарение. Из больших ссуд должно возникнуть дарение. Однако Америка — там это теперь уже совершенно открыто декларируется — до тех пор не решится помочь Европе, пока Европа не предоставит гарантии, что вновь не войдет в дальнейшие военные или экономические конфликты. Единственная причина того, что Америка не помогает, — а тем самым Америка выиграла бы, поскольку поправилось бы ее собственное хозяйство, — состоит в том, что состояние Европы говорит ей: то, что я туда вкладываю, будет потеряно.

Люди в Америке опасаются каждого заема. Они никогда не состоятся, если постепенно не придут к тому, чтобы предоставлять Европе вновь больше персональных кредитов без вещественных гарантий. Как, в сущности, легко было бы помочь Европе, вы можете увидеть на примере того, что когда даже только считали — ведь *Ratenaу* не был способным человеком и *Вирт* также не был им, — когда только полагали, что это способные люди, то мгновенно открылись перспективы. Однако если бы, особенно в странах Антанты и в побежденных странах, на ведующие посты пришли новые люди, не имевшие дело с тем, что было перед войной, если бы из общественной жизни исчезли все люди, имена которых были известны в прошлом, тогда в тот же момент Европе помогли бы: тогда Европа получила бы персональный кредит. Дело в том, что реальный, с вещественными гарантиями, кредит не существует и что персональный кредит должен снова возродить реальный кредит. Тогда это могло бы привести к медленному подъему. Если бы крона и марка несколько поднялись, тогда вновь возникло бы совершенно другое настроение, тогда опять появились бы всяческие причины для дальнейшего восхождения. Однако слишком упал моральный уровень.

Возражение. Опрос о причинах жалкого состояния валюты дал противоречивые ответы.

Рудольф Штайнер. Решение этого вопроса состоит не в том, что все неправы, а в том, что правы все, то есть все касались неких частных причин из своего накопленного опыта. Это подтверждает необходимость жизни ассоциаций. В хозяйственной жизни совершенно невозможно, чтобы кто-то вынес одно всеохватывающее суждение. Таким образом, в большинстве случаев люди были правы. Однако больше всего оказался прав *Эдисон* с его указанием на серьезные причины, подобные моральным принципам, который смог думать полностью экономически и сказал: главное состоит в том, на каких принципах принимают людей в дело. Опытный коммерсант задает принимаемым на работу людям вопросы, совершенно не связанные с ведением дела. Они освоятся с ведением дел, только если они обладают способностями, поэтому я, как коммерсант, ставлю им такие вопросы, которые мне показывают, помнят ли они еще, например, то, что учили в школе, или забыли. Если спрашиваемый скажет мне абсолютную бессмыслицу, то этот ответ на вопрос мне подскажет, чтобы я не считал его достаточно светлой головой. — *Эдисон* ставил целый ряд таких вопросов, когда хотел определить кого-нибудь на работу. Если подходить к делу так практично, то получится что-то иное, принимаю ли я на работу и держу за конторским столом человека, который не может отличить пшеницу от ржи, или того, который может различать и то, и другое. Но это есть то, чему сегодня люди не верят. Люди полагают, что можно быть совершенно дельным бухгалтером, не зная, что такое подсолнух. Это сказано *cum grano salis** (*cum grano salis* — с известной оговоркой (лат)). Однако то, что *Эдисон* давал как побуждение, мне кажется чрезвычайно верным. Оно хозяйственно, оно показывает, насколько далеко дух захватывает работу.

Вопрос. Что требует современная экономическая необходимость от тех, которые полагают, что нужно основать новое экономическое

учение?

Рудольф Штайнер. Я пытаюсь каждый день давать вам частичные ответы на этот вопрос. Речь идет о том, что необходимо действительно постигнуть идущий около пятидесяти лет переход народных хозяйств в мировое хозяйство и не работать дальше со старыми экономическими категориями, но понять, как сегодня должны быть созданы определенные вещи, которых раньше не было и которые могут быть созданы только на основе мышления.

Если взять прежние народные хозяйства, то их можно было бы расположить одно рядом с другим. Еще раньше народные хозяйства были совершенно отдельны одно от другого. Такое экономическое состояние было в то время, когда еще можно было просто покорять какие-то области. Это не зависит от расстояния. Вы можете представить себе еще нецивилизованную Францию и переселяющихся франков, которые обживали пустые области. Это приводит к возникновению совсем иных экономических состояний, чем если бы они захватили относительно развитую область с большой культурой. Западноты имела другую культуру, нежели франки, так как вступили в экономически еще не слишком высоко развитую область. И самым ярким примером этих находящихся на расстоянии одно от другого народных хозяйств, которые начинают потом влиять друг на друга, являются отношения между Англией и Индией, вообще ее, английскими колониями. Здесь расположенные на расстоянии друг от друга народные хозяйства путем завоевания, в том числе мирного завоевания, включились в общую область. Это первое состояние. Вторым является такое, при котором территории граничат друг с другом и представляют собой самостоятельные народные хозяйства. И третье — то, при котором замкнутая область создается благодаря тому, что в экономическом смысле ничего не может быть больше рядом, совершенно пустынные местности при этом не рассматриваются. Теперь нужно обратить внимание, что мы живем во времена чудовищных переворотов и что самым существенным являются требования мирового хозяйства, с которыми мы должны считаться. Такое изменение понимания всех вещей в экономике и есть то, от которого все зависит.

Очень интересный пример того, насколько плохо справляются с этим люди, вы можете найти в книге Шпенглера «Закат Европы», в которой есть экономическая глава. Замечания Шпенглера действительно выдающиеся и остроумные, однако, он не имеет никакого представления о том, как обстоят дела в действительности. Его понятия совсем не совпадают с действительностью. По отношению к экономической сфере, во втором томе, они особенно плохие, так как Шпенглер имеет сравнительно хорошее представление того, как хозяйствовали определенные древние экономические области. Таким образом, он, с одной стороны, чрезвычайно хорошо понимает крестьянское натуральное хозяйство, и с другой стороны, так же совсем неплохо понимает современную хозяйственную жизнь. Он различает там — это шпенглеровское кокетство! — фаустовское и гомеровское. И чрезвычайно знаменательно, что даже такой богатый духом человек, каким является Шпенглер, абсолютно не может прийти к тому, что

Каждый преодоленное, по-видимому, еще входит в более позднее и поэтически все то, что он обозначает как древнее хозяйство, существует и у нас как некая область.

Особенно когда мы имеем дело с тем, что я назвал покупательскими деньгами, повсюду присутствует то, что Шпенглер приписывает только древности, но в несколько измененной форме. Он полагает, что раньше имели вещественные деньги, а сейчас — только функциональные деньги, между тем как сегодня наши деньги должны быть такими, чтобы отношения между вещественными и функциональными деньгами были бы распознаны; он разбрасывается такими кокетливо скроенными понятиями и все-таки не приходит к понятиям, выпадающим с действительностью. Отсюда и та блистательность, заложенная в шпенглеровских понятиях. Такая ослепительность и, с другой стороны, наоборот, запутанность, — так как он приводит понятия вперемешку, — фактически представляют собой опасность для тех, кто не защищен от этого запутывания. Нашей задачей является следовать мышлением за обстоятельствами, как они того требуют.

Мы имеем это тройственное сосуществование — факт обычного обихода, одно возле другого существующие хозяйства и первоначальное натуральное хозяйство — все они замаскированы за счет того, что мы ко всему применяем деньги. Существует спор между номиналистами и металлистами. Первые считают, что деньги являются только знаками, и, таким образом, что вещество, из которого они состоят, не имеет никакого значения, а значение имеет только число, стоящее на них; в то время как металлисты полагают, что, в конечном итоге, ценность денег определяется материалом, из которого они состоят. Люди о чем-то спорят, в то время как дело обстоит так: в одной области, в которой мы еще имеем тесные отношения с сельским хозяйством и с тем, что ему родственно, по отношению к функции денег в хозяйстве правы металлисты, между тем как в промышленности и в свободной духовной жизни правы номиналисты, поскольку там деньги играют именно такую роль, которую им приписывают номиналисты. Иначе явления запутываются. Мы должны постигать такие вещи! Люди борются за наиболее простые вещи, в то время как мы имеем сложную жизнь.

Возражение. Сейчас, однако, нужно было бы наш курс национальной экономики перекрестить в «Курс учения о мировом хозяйстве»!

Рудольф Штайнер: Имена остаются. Посмотрите, ведь даже было время, когда мораль была причислена к экономическому ведению хозяйства. В I-II веке нашей эры мораль относилась к экономике.

Вопрос Я не могу представить себе взаимного движения: продукт — труд — капитал и так далее. Ведь средство производства уже претерпело преобразование.

Рудольф Штайнер: Однако превращение относится не к тому, что производится средство производства, а к тому, что оно является производимым. Преобразование имеет значение только в тот момент, когда средство производства прекращает быть товаром. Оно остается товаром до того момента, когда его передают, чтобы производить. И когда оно начинает производить, то для средства производства

изменяется течение экономического процесса. С этого момента оно извлекается из связи, в которой оно находилось, когда было товаром. В «Основных положениях» я привел доводы, что тогда оно становится совершенно аналогичным природе, так как больше не может иметь никакой цены. Оно находится внутри хозяйственного процесса точно так же, как чистая природа. Таким образом, оно, в свою очередь, движется назад, к природе.

Вопрос. Это находит выражение в балансе?

Рудольф Штайнер: Вы имеете в виду исчезновение стоимости? Оно выражается в балансе только в отклоняющихся от нормы случаях. Это находит выражение лишь тогда, когда кто-нибудь, скажем, учреждает завод, значит, создает сумму средств производства, а затем ликвидирует дело, и другой, более искусный и удачливый, ведет дело дальше. Если Вы сопоставите эти два баланса, погибший и развивающийся, то найдете такое частное явление обесцениванием стоимости. За счет разрушения — первого в результате процесса разрушения — второй купил эту сумму средств производства дешевле, чем в каком-либо другом случае. Поэтому часть их он получил как подарок. Так что это может быть выражено через баланс. Если бы Вы проследили последствия такого события в дальнейшем ходе нового баланса, то увидели бы в нем существенно более дешевый, то есть только с частичной оплатой перешедший в другую собственность завод. Таким образом, сегодня это можно было бы доказать уже с помощью расчетов.

Замечание: Это, конечно, исключение. Сегодня нормальное нормально.

Рудольф Штайнер: То, что средства производства непосредственно переводят в ренту, в то время как земельная рента появляется, только когда я вкладываю капитал, постепенно ведет к недопустимому.

Вопрос не записан.

Рудольф Штайнер: Вы не вправе забывать: когда Вы вкладываете капитал в дело, то экономически это означает несколько иное, чем когда Вы не имеете капитала в деле. Работает совершенно другая движущая сила, когда он там есть, чем когда его там нет, при этом отсутствие его, в сущности, также является только ложным построением. К таким ложным построениям ведут обстоятельства. Вы можете спросить: где же тогда существуют, скажем, ссудные капиталы, не вложенные в дело? Они ведь имеются там только как производство и земельная рента, они существуют только там. И если кто-нибудь хотел бы иметь для себя какие-либо деньги, то он должен был бы на определенное время совсем вывести их из экономического процесса, тем самым вызвать напряженность и вновь отдать их за другие стоимости. Он пришел бы к этому чрезвычайно быстро, так как деньги обесцениваются прогрессивно, а иначе и невозможны существенные изменения процесса и перемена отношений.

Если бы экономику взяли в руки здоровым образом, то появились бы правильные отношения. Сегодня зачастую странным образом обсуждают вопрос, например, зарплаты: требуют больших заработных плат, в результате которых возникают более дорогостоящие условия производства. Затем зарплат не хватает вновь. Снова требуют более высоких зарплат, и так это идет неизвестно куда. Такими вещами люди

сами себе пускают пыль в глаза. В то время как проще — если мы оставим представление о заработной плате, не соответствующее истине, — создавать в хозяйстве посредством ассоциаций те зарплаты, которые должны возникнуть. Неправильные заработные платы не появятся.

Вопрос Почему заработные платы должны «возникнуть»?

Рудольф Штайнер: Попробуйте как-нибудь исследовать: рабочий здесь или там получает в среднем за день, скажем, два франка. Теперь Вы можете сказать: это очень низкая заработная плата. За счет чего эта заработная плата может стать очень высокой заработной платой, но чтобы она при этом не составляла больше, чем два франка?

Замечание: За счет того, что будут дешевле продукты.

Рудольф Штайнер: Тогда Вы получите только конечные стоимости. Вы увидите тогда, что проявится все, о чем я сказал. Нельзя постоянно начинать дело не с того конца. Нужно поставить вопрос следующим образом: мы ему оставим два франка. Но при каких обстоятельствах два франка станут в два раза или в три раза более высокой зарплатой, чем сегодня? Вы должны исходить из динамических соотношений. А исходят все время из статических. Затем хотят, чтобы неподвижные вещи способствовали движению. В самом деле: когда я кладу в мой карман пять сантимов, это само по себе ничто, а нечто — только в отношении со всем народным хозяйством.

ШЕСТОЕ ЗАНЯТИЕ

Дорнах, 5 августа 1922, г.

Вопрос об изнашивании денег: они изнашиваются постепенно? И покупательные деньги тоже?

Рудольф Штайнер: Покупательные деньги имеют до конца ту же фактическую стоимость. Это больше технический вопрос обращения, вопрос «как». Постепенное изнашивание денег осуществить непросто. Оно потребовало бы чрезвычайно сложного бюрократического аппарата.

Подчеркиваю, что я не хотел бы идти вперед по каким-то программам, но хотел бы сказать только то, что есть. Мое познание склоняется к тому, что мы не можем создать на земле рай экономическими путями. Это не выйдет, но можно было бы создать возможности самое лучшее фактическое состояние. Теперь нужно спросить, на чем основано падение ниже этого самого лучшего состояния. На том, что отдельные факторы экономики не могут иметь свою реальную стоимость в том или другом месте так, чтобы уже сегодня было нельзя платить работнику духовной сферы иным образом, чем это необходимо для всего народного хозяйства. Он оплачивается или слишком высоко, или слишком низко. Происходит и то, и другое. За счет того, что он оплачивается слишком низко, тотчас появляется повод, чтобы из-за его низкой оплаты цены менялись нездоровым образом. То же самое, когда он оплачивается слишком высоко. В это надо внести коррективы, и речь идет о том — не принимая в расчет ферстеровские вещи²², — какие факторы в хозяйственной жизни делают возможным это переменение, это движение, — движение, при котором получаются терпимые взаимные цены не только для товаров, но так же и для духовной деятельности, для необходимой свободной духовной жизни.

Непосредственно из этого следует, что деньги должны стареть. Речь

идет исключительно о том, каким образом это можно выполнить технически. И вы не сможете осуществить постепенное изнашивание денег каким другим способом, кроме введения в банкноты купонов, которые к определенному времени должны быть оторваны, и именно каким-либо ведомством. По этой причине появился бы очень сложный бюрократический аппарат. В действительности дело никогда не обстоит так, что изнашивание достигается за счет таких внешних знаков, но реальное течение событий само по себе оказывает влияние на значимость. Это происходит, когда вы просто даете деньгам, всем видам денег, более или менее обменный, вексельный характер; я имею в виду вексельный характер в смысле конечного срока. Конечно, это невозможно рассчитывать абсолютно, но в зависимости от условий какого-то времени возможно установить вначале только приблизительный срок. Затем нужно исправлять, пока, смотря по обстоятельствам, дело не дойдет до какого-то допустимого срока.

Речь пойдет далее о том, что по ходу развития мирового хозяйства в локальных хозяйствах можно обнаружить далеко идущую экономику. Это как раз порядок введения юбилейного года в Ветхом завете. Это нечто совсем похожее на старение денег: отпущение всех долгов. С радикальным отпущением всех долгов упраздняются все экономически вредные имущественные состояния, соответственно, и капиталы. Вы, вероятно, помните, какое время прошло до первого юбилейного года — целых семьдесят лет. Этот юбилейный год²³, по отношению к тому, что являлось бы сегодня необходимым с учетом мирового хозяйства, был установлен независимо от опыта, простым установлением патриаршего возраста. Я не припомню сейчас, написано ли это также в Библии, но во всяком случае первоначально обычай был таков, чтобы установить продолжительность человеческой жизни, так как совершенно правильно считали: если взять течение времени всей человеческой жизни, то все, что существует в юности, будет заложено в дарованном капитале, затем в ссудном капитале и торговом капитале, таким образом, в оборотном капитале. Было принято, что человек имеет право расходовать в юности то, что он заслужит позже, в зрелости, а затем получит несколько меньше, когда подойдет к концу. Тогда это считалось неким видом ссуды.

Таким образом, вы видите, что тогда это было сделано независимо от опыта; в мировом хозяйстве это выглядело бы иначе. Периоды времени существенно удлинились бы. Однако даже без оговорок понятно, что когда будет принято постепенное изнашивание денег, оно начнет происходить само по себе во взаимном обороте, так как на банкноте будет стоять год появления. Тогда в реальном экономическом обращении деньги будут иметь уже не покупательную силу, но ограниченную силу использования для организации всего: чем далее во времени, тем более ограничивается сила использования. Так что посредством снижения своей силы использования они смогут постепенно перейти в дарованные деньги и вновь стать молодыми денежными знаками, которые могут быть выпущены заново просто путем передачи. На это нужно оказывать влияние через ассоциации. Следовательно, для продукции, наиболее близкой к природной, труд имеет свою наивысшую стоимость, несмотря на то, что работающий

получает, в соответствии с формулой цены, не больше, чем кто-либо другой; но тогда труд обретает в хозяйственном обороте наивысшую стоимость. Только часть переходит к тому, кто работает; другая всецело входит в хозяйственный процесс. Это устраняет возможность обогащения.

Вопрос: Как могут деньги использоваться по-разному, если они как молодые и старые деньги имеют ту же самую покупательную силу?

Рудольф Штайнер: Если вы начинаете дело с молодыми деньгами, то можете благодаря тому, что вкладываете молодые деньги, учредить это дело на долгий срок; в то время как со старыми деньгами вы не могли бы тем же образом устроить дело на долгий срок.

Вопрос не записан.

Рудольф Штайнер: Вы имеете в виду: если я однажды купил себе средства производства, то вместо денег я имею средства производства, а отданные мною деньги имеет тогда кто-то другой. Деньги, однажды вшедшие в производство, конечно, должны там оставаться. Эти деньги, смотря по обстоятельствам, можно преобразовать — они ведь не изменяются, пока их можно использовать, — но то, что находится внутри производства, есть вопрос обращения. Это не будет очень бюрократичным, так как с помощью ассоциаций можно заботиться о том, чтобы внутри предприятий, существующих на единой основе, не применялось ничего другого, кроме денег определенного возраста.

Таким образом, деньги растворяются в средствах производства. Это происходит с помощью другого фактора: средства производства теряют свою стоимость, когда с их помощью начинают что-то производить. Эти два обстоятельства объединяются в одно. Такое существует и сегодня, только скрыто. Деньги, ссужаемые на производство, не возвращаются обратно, они остаются в производстве. Только за счет этого средства производства вновь могут быть проданы. Вследствие этого они беспрестанно становятся молодыми. Однако, представьте, если средства производства не могут быть проданы, то деньги остаются в своем возрасте. Нужно думать реально, тогда не возникнет такой вопрос: как сделать так, чтобы там, внутри, деньги сохраняли свой возраст? А скажут: это должно произойти — нужно просто осуществить мероприятие! Это внешний, технический, вопрос.

Разумеется, вы могли бы сказать: нашлась бы возможность обойти эти вещи путем спекуляции; однако спекуляция конечно, имела бы намного меньше почвы в таком обществе, чем в том, которое дает деньгам неопределенно длительную стоимость. В действительности деньги все-же изнашиваются. Иначе мог бы оказаться прав тот крестьянин из Померании, который говорит себе: как велики государственные долги Пруссии? Я хочу вложить маленький капитал под проценты и проценты от процентов, и это могло бы покрыть через столько-то лет государственные долги Пруссии. Это никогда не может осуществиться, так как умерли бы все те, кто по очереди отвечали бы за эту сумму, которая все же требовала бы соответствующего обеспечения. Каким-нибудь образом гаранты исчезли бы, и прусское государство спустя столетия не получило бы от этого ни одного геллера.

Здесь вы видите, что чистые деньги все-таки изнашиваются. Речь идет только о том, чтобы уразуметь эти вещи, существующие в

действительности и приносящие вред за счет того, что их не уразумели. Поэтому я могу сказать: я рассматриваю все-таки только реальность, а не агитаторское требование. Ибо таковы обстоятельства! Дело в том, что надо спросить: как оздоровить мировое хозяйство?

Вопрос Какова связь государства и денег?

Рудольф Штайнер: Я описал вчера то, за счет чего государственный банк был бы невозможен. Получился бы банковский институт между теми, кто получил дарованные деньги, и теми, кто путем работы, главным образом работы на земле, вновь создают товары с самого начала. Это омоложение перешло бы от государства к экономике. И это есть то, что представляет дальнейшую необходимость. Благодаря такому переходу к экономике эти мероприятия для омоложения денег связывались бы с другими экономическими, но не с государственными мерами. Посредством этого возникли бы и совершенно другие стоимостные соотношения, чем сейчас, при наличии казенных мер. Мы бы имели нечто уже существующее. Ведь вещи маскируются только за счет того, что находятся в неправильном месте. Мы перевели бы казенные меры в экономические. Государственная казна имела бы меньше возможностей экономически выходить вперед, чем экономическая ассоциация.

Вопрос В чем заключалась бы другая основа валюты?

Рудольф Штайнер: Она была бы создана посредством того, что все бумажные деньги, денежные заменители, стали бы очень похожи между собой. Большие различия вызваны сегодня только произвольными мероприятиями. Таким образом, государственные банкноты и все другие виды денежных суррогатов стали бы более схожими друг с другом. Появились бы единые деньги, и для них было бы довольно безразлично, из чего бы они состояли; в конце своего процесса они получали бы чисто номинальный характер, а при новом введении — металлический характер, который они и должны бы иметь вначале. Валюта являла бы собой нечто, что существовало бы в беспрестанно текущем потоке, который, однако, был бы полностью приведен в соответствие с особенностями экономического процесса.

Вопрос Оценивали ли Вы раньше также и пригодные средства производства как валютную основу?

Рудольф Штайнер: Спросим себя: что же создает действующую стоимость внутри одного такого периода времени, в котором происходит это превращение определенных денег? Ее создает то, что присутствует в пригодных средствах производства. Представьте, что этого очень мало имеется в пригодных средствах производства, а потому дела должны очень быстро измениться. Повсюду деньги накапливаются, повсюду покупательные деньги возвращают с помощью немногих средств производства и так далее. Но если много пригодных средств производства, то обращение будет другим, и тем самым этим деньгам будет присуща более высокая стоимость. Таким образом, мы определяем валюту через пригодные средства производства.

Вопрос. Нужно ли брать в качестве материала что-то стабильное, подобное золоту?

Рудольф Штайнер: Насколько я могу видеть, материал денег, в случае необходимости, не имел бы значения, если Вы могли бы также указать на

купюре дату, что стало бы стоимостнообразующим фактором. Я не нахожу необходимым вводить тогда такую валюту, как золото. Это было бы возможным только в случаях формирования отдельных народных хозяйств. Однако в той мере, в какой на самом деле существует мировая экономика — а она реализуется в большей мере, чем освобождение самой экономики, — деньги возможно делать из любого подходящего материала. Что же произойдет с деньгами при осуществлении того, о чем я говорю? За счет этого деньги станут ни чем иным, как проходящим через всю экономическую сферу бухгалтерским учетом. Если бы Вы хотели ввести громадную бухгалтерию, в которой нет необходимости, то могли бы вполне успешно провести весь этот приход и расход денег по соответствующим местам бухгалтерских книг. Тогда эти статьи всегда стояли бы на соответствующих местах. Происходящее в действительности является ни чем иным, как тем, что вы убираете статью из данного места и даете кому-либо расписку, так что бухгалтерский учет перемещается. Деньги в переносном смысле есть бухгалтерия. Тут я не могу признать, что должно иметься какое-то значение, кроме декоративного в том, делают ли их из того или иного материала.

Возражение. Золото давало бы определенный масштаб?

Рудольф Штайнер: Этого не произойдет, а если случится, то будет использовано в этой бухгалтерии. Это и есть существенное, что все движение денег переходит к ведению бухгалтерии. Вместо того чтобы представлять из статьи актива в статью пассива, Вы передаете деньги.

Возражение: Этого нельзя сделать с золотом, так как можно было бы избежать обесценивания стоимости, оставляя, в конце концов, золото себе.

Рудольф Штайнер. При наличии покупателя для золота. Он должен быть, а это означает, что покупка должна быть выгодной. Тогда специально придется еще сделать ненужную калькуляцию. Но она никому не могла бы. Если бы, например, из этого делали украшения, то вводили бы в заблуждение.

Эти вещи нужно обдумывать только с учетом целей самой экономики. Если Вы придерживаетесь фактов, Вы можете оценить в положениях экономической науки то, что основано только на частичном наблюдении и недостаточных умозаключениях. Всегда существуют недостаточные методы и неудовлетворительные наблюдения.

Вопрос Какой капитал хозяйственно возник первоначально, торговый или ремесленно-промышленный?

Рудольф Штайнер. Исторически, конечно, торговый капитал, и именно сама торговля является самой первой осуществлявшейся работой по обращению. Если вы сегодня рассмотрите примитивные деревенские отношения, то увидите там сравнительно мало ремесленного капитала. Ремесленники в деревне зарабатывают не больше, чем крестьяне. В сравнении с этим торгующие люди что-то выгадывают. За счет этого они в состоянии давать ссуду. А затем это вновь идет дальше. Дело в том, что не возникает никакого капитала, если он не используется. Ремесленный капитал возникает, в сущности, только третьим. Это так сильно связано с обычаями, что совсем нельзя найти рациональных оснований.

Вопрос Швейцария должна идти к народной или к мировой экономике? — Не существует ли во многих странах тенденции возврата к народной экономике?

Рудольф Штайнер: Вы хотели бы сказать, что для Швейцарии слишком рано входить в мировое хозяйство, так как обнаружится, что это не пойдет ей на пользу? Так нельзя говорить, потому что Швейцария естественным путем не может проверить, соответствует ли ее экономика мировой экономике. Ведь то, что Вы сейчас называете «доброжелательной» государств-соседей, достигнуто противоестественным образом посредством войны. Если бы Швейцария могла развиваться и дальше, как до 1914 года, то это ей не обернулось бы во вред, и она развилась бы дальше. Конечно, были бы те же убытки, которые тогда обнаруживались бы неизбежно и которые склоняли бы к переходу к ассоциациям мирным путем. А в существующих обстоятельствах, нужно сказать, от Швейцарии зависит чрезвычайно мало. Поэтому мы имеем в мире дело как раз с тенденцией к мировому хозяйству, которая постоянно нарушается имеющимися в сферах народных хозяйств политическими намерениями, прикрываемыми национальными устремлениями. Что сегодня мешает мировому хозяйству, так это политические намерения. Политика желает сдерживать народное хозяйство. Мы не можем использовать здесь в качестве иллюстрации Швейцарию, так как политически она слишком бессильна. Временами Швейцарии позволяют участвовать в разговоре, если знают, что она скажет то, что желают иметь сказанным — Швейцария, впрочем, и говорит то, что желают иметь сказанным.

Таким образом, Швейцария не может служить в качестве примера, но Америка, несомненно, ведет к образованию народного хозяйства и к сдерживанию формирования мирового хозяйства; возможно также, что будет очень тяжело преодолеть эту тенденцию Америки к образованию народного хозяйства. По сравнению с этим, тенденция к мировой экономике могла бы развиваться в области, устроенной как сегодняшняя Англия, которая, в сущности, имеет только псевдонародное хозяйство, а в действительности — мировое хозяйство. Здесь вы имеете Англию, там Индию, Южную Америку, Австралию и так далее. Все, что объединено в ее народном хозяйстве, в сущности, располагается во всем мире. Благодаря этому Англия, правда, не владеет экономикой целого мира, но обладает необходимыми для всего мира хозяйственными способами, хозяйственными потребностями, количественное объединение которых предполагает дух мирового хозяйства. Именно это и должно в дальнейшем ходе хозяйственного развития с необходимостью привести к мировому хозяйству. И этому со временем покорится также политика Северной Америки; экономика просто предъявит свои могущественные требования людям с упрямыми головами, и они должны будут подчиниться мировому хозяйству. Англия совершенно не могла бы продвинуться вперед, если бы продолжала работать только в народно-хозяйственном смысле. Таким образом, Вы должны искать настоящий антагонизм между Англией и Америкой. Швейцария совершенно не является определяющей.

Вопрос Я не могу представить себе, как стоимость камня в английской короне может быть объяснена только через человеческий

труд, а не благодаря редкости этого камня?

Рудольф Штайнер: Дело в том, что народнохозяйственные стоимости возникают только вследствие применения человеческого труда или человеческого духа. Единственно благодаря этому под знаком разделения труда возникают народно-хозяйственные ценности. Если Вы хотите обновить стоимость камня в английской короне, то Вам надо сказать: если возможно выделять из непрерывного народнохозяйственного процесса стоимости, которые присваиваются отдельным человеком, то произведенная там стоимость действительно может удерживаться упомянутым человеком. Таким образом, если при наших современных отношениях кто-либо хочет удержать миллион, то он сможет это сделать. Он может скопить миллион. И он потом имеет возможность поместить этот миллион в чулок. Он может теперь этот поступок, состоящий в засовывании в чулок миллиона, заменить таким другим действием, при котором он искусственно придаст для себя какому-либо редкому продукту ту же ценность, что и своим деньгам — и это переходит в обращение. Тогда он за счет своей духовной организации придаст этому понравившемуся ему предмету упомянутую стоимость вследствие того, что он чисто формально и лишь через свое безапелляционное решение придаст вещи эту стоимость. То, что произошло, случилось исключительно под влиянием, вероятно, нельзя сказать, духовного действия, но — духовного предписания. Понятие редкости объясняется народнохозяйственно, в народнохозяйственном смысле.

Возражения против трехчленного деления: Невозможно провести различение трех членов. Задача трехчленного разделения не может означать видения, она скорее негативна, так как там, где существуют вредные воздействия трех областей одной на другую, необходимо отделить их друг от друга и ограничить в этом отношении труд. Особенно невозможно представить границы трех областей. Хозяйственная жизнь тем самым свелась бы к тому, что называют техникой.

Рудольф Штайнер: Мышление людей, выдвигающих такое возражение, недостаточно разработано. Вообще основным недостатком сегодняшних учебных заведений является то, что они мало занимаются совершенствованием мышления. Люди умеют только формировать понятия, которые они мило располагают одно возле другого. Однако уже в случае разделенного на три составные части человеческого организма имеют место такие же вещи. Если вы возьмете глазной нерв, то он относится к системе нервов и внешних чувств, однако он, конечно, не мог бы существовать, если бы, особенно во сне, не был питаем из пищеварительной системы, из системы обмена веществ, а значит, если бы в нем не шли процессы питания, и если бы через канал спинного мозга вдыхаемый воздух не поступал постоянно к зрительному нерву и там не происходил бы процесс циркуляции. Следовательно, в человеческом организме что-то относится, именно лишь в основном, к системе нервов и внешних чувств, или к пищеварительной, или к ритмической системе.

Так и в социальном организме. Необходимо, чтобы в хозяйственном организме действовали две другие системы. Однако при этом остае

все же правильным, что, в основном, система нервов и внешних чувств существенно зависит от головы, и что на питание и дыхание головы оказывают влияние другие инстанции. Как раз благодаря тому, что существуют эти три инстанции, сохраняется в хорошем смысле это взаимовлияние. Я всегда противился тому, что обычно говорят о делении на три части. Речь ведь идет о вопросе: как должны эти три члена, которые все равно существуют, естественным образом соотноситься, чтобы они могли соответствующе влиять друг на друга? Духовному организму в основном должна быть предоставлена свобода. Но в духовном организме будет действовать, конечно, и экономическая жизнь, иначе профессорам нечего будет есть. Но это, однако, будет влиять правильно, если будет происходить из другой инстанции, так что необходимо в определенном направлении создавать хозяйственный организм, в другом направлении создавать духовный организм, а затем и государственно-правовой «организм». Здесь выдвигают возражения только те, кто это трехчленное деление представляют себе как *раздел*. Известно, что таких достаточно много. Я нашел у одного интерпретатора доклады о трех парламентах в социальном организме. Тот, кто так представляет вещи, представляет себе невозможное, так как парламент может существовать только в сфере государственного, а не в свободной духовной жизни. В ней могут иметь место только отдельные индивидуальности, которые образуют разветвленную систему само собой разумеющихся авторитетов. В хозяйственной области это могут быть только ассоциации. В парламенте сойдутся уже все функции и появятся правильные мероприятия для отдельных частей социального организма.

Вопрос В десятом докладе стремление к прибыли сравнивалось с массой в физическом смысле. Можно ли расширить аналогию таким образом, чтобы работу представить функцией обращения и стремления к прибыли?

Рудольф Штайнер: Согласно физической формуле энергия есть $e = m \cdot v^2/2$. Сходным образом можно было бы сформулировать хозяйственную энергию как возможные прибыли, которые нужно умножить на функцию скорости обращения: $e = g \cdot f$. Стремление к прибыли нужно умножить на скорость оборота, тогда получается цифра для работы. Это действительно для отдельного продукта. Если вы на нем имеете определенную прибыль и перемножаете ее со скоростью оборота, то вы определяете массу работы. Эта масса работы равна нулю, когда вам нужно умножить прибыль на нуль, то есть когда вы непосредственно продаете: $O = g \cdot 0$.²⁴

Вопрос: Соответствует ли стоимость камня в английской короне напряжению между ним и потребностью в роскоши?

Рудольф Штайнер: Вы объясните, только через другой ход вещей, обстоятельства так: напряжение, возникающее за счет потребления, всегда является напряжением между обработкой продуктов природы и стоимостью, которую получает труд благодаря духовной организации. Для чего-то такого, как камень в английской короне, нужно ведь прежде всего действительно не односторонне говорить о его стоимости. Я спрошу Вас: чем же он, собственно говоря, так ценен? Он ценен только в совершенно определенном, а именно, в пронизанном определенной

духовностью хозяйственном порядке благодаря мнению, то есть благодаря духу. Советственно нельзя говорить, что он имеет «эту стоимость» в себе, но только что он более ценен за счет мнения, которое к нему пристало. Если бы у продавца покупали камни за ту цену, которую он требует, он был бы поставлен в положение, обрабатывать так много, как смог бы это делать благодаря получаемому, тогда за счет этого лавинообразно появилась бы целая рабочая организация. Насколько мало в физике нужно менять что-то, кроме числовых соотношений, когда от маленького снежка переходите к лавине — ведь тогда вам не нужно изменять формулу, — настолько же мало требуется менять формулу при хозяйственном рассмотрении, когда однажды возникают такие особенные отношения, при которых, глядя внешне, создаются подобные этому факты эквивалентности редкого продукта огромным результатам труда. Это происходит только за счет хозяйственной взаимосвязи.

Примечания

16 «Основные положения» — Р.Штайнер. Основные положения социального вопроса..., 1919, ПСТ, Библ. 23.

17 Юстиниан (527-565) — император Восточной Римской империи, закончил философскую школу в Афинах и с помощью ряда выдающихся юристов в 533-534 гг. кодифицировал римское право.

18 Грешемский закон — Выдающийся коммерсант сэр Томас Грешем (1519-1579) учредил на свои средства лондонскую биржу. Он писал королеве Елизавете (1558-1602): «Ваше Величество соизволили слышать, что первый случай падения валютного курса произошёл, когда покойный отец Вашего Королевского Величества (Генрих VII) снизил пробу монет с 6 до 3 унций. После этого курс валюты упал с 26 шиллингов 8 денариев до 13 шиллингов 4 денариев. Это стало причиной того, что всё Ваше чистое золото было перевезено из Вашего королевства». Его современник Маклеод, также выдающийся коммерсант, понял, что появление более плохих монет имеет следствием исчезновение хороших: «Поэтому мы можем по праву называть этот процесс Грешемским законом». Существовавшие в те времена деньги были исключительно металлической валютой. Грешемский закон недавно вновь вступил в действие в Швейцарии, когда серебряные двух франковые монеты исчезли из обращения, так как, благодаря высокому содержанию серебра, их стоимость была выше номинальной.

19 Когда кто-либо становится на ходовое колесо — См.: Р. Штайнер. Экономический курс, ПСТ, Библ. 340, доклад 2.

работа, в сущности, может и не быть основополагающей для цены — эта точка зрения возникла в теории предельной полезности австрийской школы экономики (основные представители — Э. Бем-Баверк, Ф. Визер и др.). Она объясняет все экономические процессы на основе психологии пользы в соответствии с законом уравнивания предельной пользы таким образом, что основой для цены образуют не объективные отношения трудовой деятельности, а оценки полезности результатов работы для удовлетворения потребностей.

20 *В историческом методе я называю это симптоматологическим рассмотрением* — Основополагающими для такого способа рассмотрения является цикл докладов Р. Штайнера «Историческая симптоматология», ПСТ, Библ. 185.

21 *Понятие физической работы* — На вопрос о том, как можно ввести в народно-хозяйственный способ рассмотрения понятие массы или понятия веса, Рудольф Штайнер отвечает в «Экономическом курсе», доклад 10. Там показано, что «прибыль» образует основной вес, приводящий хозяйственный процесс в движение.

22 *ферстеровские вещи* — Намек на морально-философские сочинения Фридриха Вильгельма Ферстера, в том числе: «Политика, этика и политическая педагогика» (1909), «Авторитет и свобода» (различные издания). Ср.: Р. Штайнер. Экономический курс, доклад 10.

23 *Юбилейный год* — Согласно законам Моисея, каждый седьмой год был субботным годом, во время которого нельзя было пользоваться землей. По истечении 7 субботных лет, то есть спустя 49 лет, объявлялось наступление пятидесятого года посредством рога (древнеевр. *jobel* — бараний рог, тромбон). См. 3 книгу Моисея, гл. 25,8-16,23-55; гл. 27,16; 4 книгу Моисея, гл.36, 4. В юбилейный год прощались все долги, освобождались все батраки иудеев, отчужденные земельные участки за городом возвращались первоначальным владельцам. Указывая здесь промежуток в 70 лет, Рудольф Штайнер в другом месте обосновывает ветхозаветный ритм в 49 или 50 лет существованием космически-человеческих связей. См. также: Р. Штайнер. Загадка человека. Духовные основы человеческой истории, ПСТ, Библ. 170, доклад 2.

24 *уравнение $O=g \cdot 0$* — Оно представляет граничную ситуацию случая, когда товар не переходит в обращение тотчас после его изготовления, а непосредственно после этого отдается покупателю. Продажа есть конечная точка пути обращения, протекающего с какой-то скоростью. Последняя находится под влиянием импульсов прибыли фабрикантов и торговцев по причине разделения труда. Если у какого-либо товара это время обращения выпадает, то не существует никакой прибыли, так как товар поставляется без окольных путей и реализуется непосредственно, без участия торговца.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Использованные в докладах Экономического курса и занятиях Экономического семинара основные понятия многократно пересекаются. Это происходит особенно в случае таких определений, как деньги и капитал, земля и природа, цена и стоимость. Специальные обозначения — доход с земли, земельная рента, ссудный капитал, дарованный капитал и так далее помещены среди соответствующих основных понятий — земля, капитал и так далее. Различные высказывания о формировании экономических понятий, методике мышления, а также недостатках общепринятого экономического учения можно найти в рубрике «экономическая наука». Цифры I и II в рубриках указывают соответственно на Экономический курс и Экономический семинар, а цифры, расположенные после I и II указывают соответственно номера докладов и занятий.

Австрия II: 1,5 обесценивание валюты II: 1,5 разделение II: 5

Англия I: 1,5,9,11:11:5,6

англо-бурская война, опиумная война 1:9

золотой вынужденный стандарт 1:11; 11:5

ипотечное законодательство I: 5

колебание цен на зерно в XV-XVI столетиях II: 5

колонии I: 1,9; II: 5
 превращение торгового капитала в промышленный капитал I: 9
 противоположность со средневропейской экономикой I: 1
 тенденция к мировому хозяйству II: 6
 экономические отношения в XIX столетии по сравнению с Германией 1:1,9
 Англо-бурская война I: 9
 Ассоциации I: 5-10,12-14; II: 1-3,5, 6
 деление по-новому города и деревни II: 3
 делают обозримой связь между потребителями и производителями II: 3
 наблюдение за состоянием цен I: 8
 осуществление взаимных интересов в человеческих взаимоотношениях 1:10
 охватывающее суждение II: 5
 оценка образующих стоимость факторов 1:10,13
 появление правильных зарплат 11:5
 регулирование применения капитала и труда I: 5, 6; II: 2
 регулирование существования денег I: 12,14; II: 6
 социальный порядок должен вытекать из понимания ассоциаций I: 6,9
 формирование в экономическом процессе I: 7, 8; II: 1
 Банки — см.: Сущность банков
 Бельгия / Конго I: 9
 Рынки II: 3
 Валюта I: 11, 14; II: 5, 6; см. также: Деньги, Обесценивание валюты золотой стандарт как ненужный II: 6
 золотой стандарт посредством Англии I: 11; II: 5
 природная валюта вместо золотого стандарта I: 14
 сумма пригодных средств производства как основа II: 6
 Внутреннее хозяйство I: 9
 Военная промышленность II: 4
 Германия I: 1,5,9; II: 5
 индустриализм I: 9
 ипотечное законодательство I: 5
 негативный баланс колониализма 1:9
 обесценивание валюты II: 5
 противоположность между центрально-европейской и западной экономикой I: 1
 французский ссудный капитал для Германии I: 9
 хозяйственные отношения в XIX столетии по сравнению с Англией I: 1,9
 Гимназия II: 1
 Государство I: 5,9,11,12; II: 1,6; см. также: Политика
 вызывает стоимостную путаницу I: 6
 должно быть исключено из сферы денежных отношений II: 6
 маскирует политику власти в качестве права I: 9
 невозможность регулирования использования рабочей силы I: 5
 раздувается 1:11
 рентообразующее влияние инфляции для государства II: 1
 Государство Меровингов 1:11
 «Грядущий день» II: 3
 Дарение I: 6, 7, 9-12; II: 4,5; см. также Деньги, Капитал
 вынужденное дарение по причине соотношений власти в землевладении 1:7
 для воспитания и благотворительности 1:12; 11:4
 для предотвращения застоя капитала 1:11
 займы как дарение 11:5
 наиболее плодотворное в экономическом процессе I: 9
 обесценивающая функция II: 4
 платежи — ссуды — дарения I: 6
 по способностям 1:10
 свободный духовный труд и дарения I: 6
 Деление как формула для экономического процесса I: 4
 Демократия I: 3
 Деньги 1:4, 7-12, 14; II: 1,5, 6
 вещественные деньги, функциональные деньги II: 5,6
 возникновение из товара 1:10
 выражение для достигнутой в результате хозяйственной деятельности стоимости I: 4,14
 выражение для суммы использованных средств производства I: 14; II: 6
 грэшемский закон II: 1
 деньги как мировая бухгалтерия I: 14; II: 6
 дух определяет стоимость денег I: 4,12
 как правовой фактор I: 8
 необходимость изнашивания эквивалентна хозяйственным качествам 1:11
 непросматриваемые процессы I: 8
 поддерживают свою стоимость только посредством обращения I: 12
P. Штейнер. GA 341. Экономический семинар
bdn-steiner.ru

подъёмы и падения курса денег I: 7
 покупательные деньги сохраняют ту же стоимость II: 6
 посредническая торговля деньгами I: 14
 разделение товара и стоимости денег I: 4
 различная стоимость покупательных и ссудных денег I: 12
 служат обмену изделиями I: 7,12
 средство для вмешательства духа в экономический организм I: 4
 ссудные деньги переходят в дарованные деньги I:12
 старые и молодые деньги I:12,14; II:5
 сторонники свободного выпуска денег I:5
 традиционные отличительные признаки I:12
 циркуляция отделена от человека I: 9 Деревенское хозяйство I:13; II: 3,6
 компенсация духовной работы и работы на земле I:13
 небольшой ремесленный капитал II: 6
 оценка духовной жизни I:13
 первоначальная форма хозяйствования II: 3
 Законы природные и социальные II: 10
 Заработная плата I: 3, 7, 8,12; II: 1, 5
 высокие заработные платы, мнимое решение II: 5
 железный закон заработной платы II: 1
 наёмный труд, фиктивная покупка I: 7,12
 получение зарплаты как самообеспечение I: 3
 Земля I: 2,5-8,11,13,14; II: 1,5
 закон снижающегося плодородия земли не соответствует действительности II: 1
 земельная рента I: 7, II: 5
 исходная точка для всего ведения хозяйства I: 13
 основы питания I:1
 отношения между продуктом земли и духовным продуктом I:13
 понятие средств производства применительно к земле II: 1
 поскольку является природой, может не иметь стоимости I: 5,6
 соотношение сил влияет на владение I: 7
 стоимость земли и арендная плата I: 8
 сторонники земельных реформ I: 2, 5
 удорожание за счёт низкого ссудного процента I: 5,6
 цена на землю I: 2
 численность населения и пригодная земельная площадь I:14
 Имагинации, экономические II: 1
 Империализм I: 9
 Индия I: 1; II: 6
 Индустриализм, промышленность I: 9; II: 3, 5
 в промышленности деньги имеют функцию, приписанную им номинальными деньгами II: 5
 источники сырья и рынки I: 9
 отношение к сельскому хозяйству II: 3
 Инспирации, экономические II: 1
 Ипотеки I: 5,6
 Италия I: 6
 Капитал I:1-7,9-12; II: 1,5,6
 внешнее выражение духа I: 2,4, 5,12
 возникновение в связи с разделением труда I:4
 высасывающее действие ссудного капитала I:10
 дарованный капитал I: 11
 застой за счёт закрепления в земле I: 5, 7,11
 капитал в экономическом кругообороте I: 5
 масса капитала больше не зависит от человека I: 1,9
 необходимость потребления капитала I: 5, 7,12
 определение капитала II: 1
 освобождение от природной основы и от труда I:4
 поэтапное развитие продуктивности дарованного, ссудного и торгового капиталов I: 9, 10
 производственный фактор I: 2
 рентный капитал, предпринимательский капитал II: 1, 5
 сначала возник торговый капитал II: 6
 современные капиталисты являются торговцами I: 3
 ссудный капитал I: 4-7
 торговый, ссудный и промышленный капитал I: 9,10
 Колонии I:1,9,11;II:5
 колонизация и деколонизация I: 9
 решающие для английской экономики I: 1,11; II: 5 Кредит I: 5, 9; II: 5
 для Соединенных Штатов Европа не является кредитоспособной II: 5
 доверие авторитету при кредитовании I: 9
 кредит без вещественного обеспечения, кредит под залог реальных ценных бумаг I: 5

нарушение кредитования как причина обесценивания валюты II: 5
 Купля и продажа — см.: Покупка
 Лесное хозяйство I: 7
 Либерализм I: 1, 11; II: 1
 несвобода духовной жизни 1:11
 отказ от чисто либерального воззрения II: 1
 подъём в Германии I: 1 Марксизм I: 2, 6-8, 13; II: 2
 бесполезно затраченная работа II: 2
 индийский бухгалтер I: 6
 капитал как кристаллизованный труд I: 13
 мнимые основания для прибавочной стоимости I: 2, 7, 8
 невозможно включить в народное хозяйство процессы, протекающие в человеке II: 4
 неправильный эквивалент между работой и человеческим организмом 1:2
 работа придаёт вещам стоимость I: 13
 Меновая торговля — см.: Торговля
 Меркантилисты I: 11; II: 1
 Металлисты II: 5,6
 Метод, методология — см.: Экономическая наука
 Мировая война 1:1,11; II: 5
 анахронизм говорить так, как до 1914 года II: 5
 большая продолжительность представлялась невозможной 1:11
 недостаток денег в Германии обострился только после войны II: 5
 результат противоположностей между Англией и Средней Европой I: 1
 Мировое хозяйство I: 1,11,12,14; II: 5,6
 в себе завершённое 1:11,12
 государства не организмы, а клетки 1:1
 деньги как мировая бухгалтерия 1:14; II: 6
 доминирование Англии 1:11
 нарушение за счёт политических намерений II: 6
 от мирового обращения к мировому хозяйству I: 11,12; II: 5
 осуществлено в высокой степени перед войной II: 5
 отличие от народного хозяйства 1:11
 прежние экономические понятия неприменимы 1:11
 противоположность между Западом и Средней Европой 1:1
 Мораль I: 5, 8,10; II: 5
 Налог 1:12
 Наследство I: 6
 Номиналисты II: 5,6
 Обесценивание валюты I: 1; 11:1, 5;
 см. также Деньги, Валюта
 было бы предотвращено посредством трёхчленного разделения социальн**ого** организма 1:1
 вызывает перегруппировку людей 1:1
 глубочайшая причина восходит к моральным связям II: 5
 определяется государственными ограничениями I: 1
 различные причины II: 5
 рентообразующее воздействие на государство II: 1
 Обучение труду I: 5
 Опиумная война I: 2
 «Основные положения социального вопроса...» (книга Р.Штайнера) I: 5, 6,10,14; II: 1, 5
 Парламент II: 6
 Патенты I: 8
 Питание 1:11
 Платёжный баланс II: 5
 Платежи — ссуды — дарения I: 6,9; см. также Деньги, Капитал
 Политика II: 3, 6; см. также Государство замедляющее влияние на мировое хозяйство II: 6
 понятие политического при трёхчленном разделии отпадает II: 3
 Покупка и продажа I: 2,6,10
 важнейший процесс внутри обращения 1:2
 выигрывают обе стороны 1:10
 замедляющее влияние на мировое хозяйство II: 6
 Потребители, потребление I: 5,6, 8,11,14
 напряжение между производством и потреблением I: 5
 оценка товаров потребителями I: 14
 потребление в закрытой хозяйственной области 1:11
 работающие духовно — это по отношению к прошлому потребители I: 6
 расходование стоимостей I: 5
 уравнение цены для потребителей I: 8
 чистые потребители I: 6
 Право, правовая жизнь I: 3, 7, 8,10; II: 3
 влияние на экономический процесс I: 7,8,10
Р.Штайнер. GA 341. Экономический семинар
bdn-steiner.ru

выделение из религиозных организаций I: 3
 децентрализация правовой жизни II: 3
 Предприниматель I: 7, 8; II: 1, 7
 были бы руки свободными, железный закон заработной платы действительны бы II: 1
 действие свободной воли I: 7
 количество производителей II: 3
 предпринимательский капитал I: 7; II: 5
 прибыль предпринимателя I: 7, 8
 тенденция к обесцениванию капитала I: 7
 уравнение цены для предпринимателей I: 8
 Прибавочная стоимость — см.: Марксизм
 Прибыль I: 7, 8, 10, 11; II: 6
 в акте обмена получают прибыль обе стороны давящее воздействие стремления к прибыли предпринимателя
 формула прибыли Природа I: 2, 4, 5, 7, 10, 12-14; см. также Земля
 все хозяйственные результаты восходят к природе I: 14
 освобождение капитала от природной основы I: 4
 превращение за счёт труда I: 2, 5, 7, 13
 продукт природы как таковой ещё не имеет никакой стоимости I: 2, 4, 10, 12, 13
 Проблема портного I: 3, 4; II: 3
 Производители, количество II: 3
 Процент I: 5, 6, 10, 14
 замещение взаимности при ссуде I: 10
 необходим до определенной степени I: 14
 низкая процентная ставка удешевляет товары, удороживает землю I: 5, 6
 сто процентов при закладывании земли в залог I: 6
 Рабовладельческое хозяйство I: 12
 Разделение труда I: 3, 4, 10; II: 3, 4
 даёт возможность образоваться капиталу I: 4
 исключения II: 3
 никто сам не применяет для себя то, что производит I: 3; II: 4
 первоначальное инстинктивное регулирование I: 3
 появление и последствия I: 3
 условное отношение стоимости товара и стоимости денег I: 4
 устраняет эгоизм I: 3, 10
 Редкость I: 5, 11; II: 6
 как таковая не является стоимостнообразующим фактором, бриллиант в английской короне I: 5, 11; II: 6
 объясняется в народно-хозяйственном смысле II: 6
 Ремесленное производство I: 7; II: 6
 ремесленник в деревенском хозяйстве II: 6
 участие в образовании цены I: 7
 Рента I: 2; II: 1, 4; см. также Земля
 природная стоимость проявляется в образовании ренты I: 2
 содержащаяся в экономическом процессе рента поглощается государством I: 2
 условное оправдание потребления ренты II: 4
 Римляне II: 1, 4
 понятие собственности II: 1
 хлеб и зрелища II: 4
 Россия I: 11; II: 5
 государственная опека I: 11
 обесценивание валюты II: 5
 Свободная духовная жизнь I: 6, 13; II: 5
 в отношении к будущему продуктивна I: 6
 в свободной духовной жизни деньги имеют функцию, приписываемую им номиналистами II: 5
 духовно работающий — это по отношению к прошлому только потребитель I: 6
 плодотворное влияние на полусвободную духовную жизнь I: 6
 свободная духовная жизнь в деревенском хозяйстве I: 13
 свободная духовная жизнь в прошлом в Италии I: 6
 Сельское хозяйство I: 1, 7, 9; II: 3, 5
 влияние на тенденцию цен I: 7
 в сельскохозяйственных связях деньги имеют функцию, приписываемую им металлистами II: 5
 граничная область экономического учения I: 1
 кажущиеся убытки от ржи I: 9
 отношение к промышленности II: 3
 самообеспечение I: 7; II: 3
 Соединённые Штаты I: 9; II: 5, 6
 аннексия испанских владений I: 9
 могли бы помочь Европе II: 5
 тенденция к народному хозяйству в противоположность тенденции к мифическому хозяйству II: 6

Социальный вопрос I: 12; см. также Трехчленное разделение
 Спекуляция 1:13; II: 5
 влияет на образование стоимости I: 13
 способствует обесцениванию валюты II: 5
 Спрос и предложение I: 8
 Средства производства I: 6, 7, 14; II: 5
 остаются товаром до момента производства II: 5
 охваченная духом природа I: 7,14
 связь между средствами производства и работой I: 7
 стоимости путем дарения переходят в средства производства I: 6; II: 5, 6
 сумма пригодных средств производства как денежная основа II: 6
 физическая работа, связанная со средствами производства, и духовная **работа** I: 14
 Ссуды I: 4, 6; см. также Капитал
 Статистика II: 1
 Стоимость I: 2,5, 7,13,14; II: 1, 2,4; см. также Цена
 военная промышленность разрушает стоимости II: 4
 возникновение за счёт превращения продукта природы посредством **работы** I: 2, 7,14; II: 1,2
 мнимая стоимость за счёт привязывания капитала к земле I: 5
 перемещение стоимостей посредством спекуляции I: 13
 при покупке и продаже происходит обмен стоимостями, а не товарами 1:2,7
 уничтожение стоимости и стоимостнообразующее напряжение I: 5; II: 2,4
 Сущность банков 1:1,9; II: 6
 необходимость разделения институтов для дарованных денег и **производства** новых товаров II: 6
 стали безличными I: 1, 9
 Таможенные барьеры II: 5
 «Теософия и социальный вопрос» (книга Р.Штайнера) I: 3
 вышла под названием «Духовная наука и социальный вопрос» в «Люцифер-гнозис. Статьи 1903-1908», ПСТ Библия. 34; отдельное издание — Дорнах, 1977
 Товар 1:4-7, 11,12,14; II: 5
 возникновение в хозяйственном процессе I: 7
 дешевле за счёт низкого процента I: 5,6
 отношение товара к стоимости денег 1:4
 отсутствующий эквивалент между товарной и денежной стоимостью 1:11, 12,14
 средства производства являются товаром до начала производства II: 5
 товары длительного пользования 1:11
 Торговля I: 3, 8,9,11; II: 3,6
 количество торговцев должно регулироваться II: 3
 меновая торговля 1:6, 8,10
 разделение труда между торговцами и производителями II: 3
 сначала появился торговый капитал II: 6
 средняя цена за счёт торговых посредников I: 3
 торговля между частными хозяйствами I: 11
 уравнение цены для торговца I: 8
 функция конкуренции I: 9
 Трёхчленное разделение I: 1, 8,10; II: 1, 3,6
 взаимовлияние трёх частей 1:10
 в «Основных положениях...» дана только направляющая линия II: 1
 здоровье одного члена социального организма влияет на здоровье других II: 3
 не было понято I: 1, 8
 политическое выпадает из экономического II: 3
 понятие социального организма 1:1
 внутри экономического процесса I: 8
 человеческого и социального организмов II: 6
 Труд, работа I: 2,4,5, 7, 8,10,13,14; II: 1-4,6; см. также Разделение труда взаимодействие духовного
 и физического труда 1:13,14; II: 2
 в народно-хозяйственном кругообороте I: 4-5; II: 4
 в экономическом и физическом смысле 1:10; II: 2,6
 использование избыточного рабочего времени II: 2,3
 механическое выполнение работы II: 4
 направленный духом I: 2; II: 4
 не только создает стоимости, но и уничтожает их II: 2,4
 неэкономическое увеличение труда I: 8
 образующий стоимость I: 2,13; II: 1, 2, 4,6
 оплачивается не работа, а готовое изделие I: 7, 8
 преобразовывает природу 1:4,10,13; II: 4
 физический труд и экономия труда 1:13,14; II: 2
 Труд духовный I: 2,4,6,8,9,11,13,14; II: 2,4,6
 духовная работа оплачивается слишком высоко или слишком низко II: 6
 духовный работник как должник 1:4
 изменение экономически нейтральной работы посредством духа I: 2; II: 6

не любое увеличение количества духовно работающих I: 11
 оплата духовных способностей посредством стоимости товаров I: 8
 оценка духовной работы, экономия труда I: 8,13,14
 продуктивен для будущего I: 6,9; II: 4
 умственный и физический труд—никакого настоящего противоречия II: 2
 Физиократы I:11
 Франция I: 9
 Хлеб II: 3
 Цена I: 2, 3, 5-9,12,14; II: 3,6; см. также Стоимость
 важнейшее экономическое понятие I: 2
 взаимно терпимые цены II: 6
 возникает при обмене стоимостей I: 2
 извращение цены владения землёй по праву силы I: 7
 колебания цен I: 2
 подъёмы и снижения цен I: 7, 8,14
 регулирование посредством ассоциаций I: 5; II: 3
 скрытый смысл образования цены I: 12,14
 три уравнения цены I: 8
 удороживающая и удешевляющая тенденции, средняя цена I: 3
 формула цены I: 6
 цена на рожь I:9
 Частное хозяйство I:11; см. также Сельское хозяйство
 переход к народному, или государственному, хозяйству I:11
 преимущества за счёт объединения I:11
 социальная структура I: 11
 Швейцария II: 6 Эгоизм I: 3, 10
 был не вреден, пока определяющими были религиозные импульсы I:3
 преодолевается постижением общности на основе познания хозяйственных закономерностей I:

10

устраняется посредством разделения труда I: 3
 Экономическая наука I: 1-4,6,8,10,11,13,14; II: 1,2
 аналогия с физическим спектром I: 1,2
 биологические аналогии I: 10; II: 2
 возвратный метод II: 1
 как теоретическая, так и практическая I: 3
 необходимость методологии II: 2
 несостоятельность общепринятых экономических учений I: 2,6, 8, 11; II: 1
 образные представления I:10,14
 подвижные понятия вместо определений I: 1-4; II: 1,2
 понятие экономического действия II: 2
 «признание» не является экономической категорией II: 2,3
 характеризующий метод, а не чисто индуктивный и не чисто дедуктивный II: 1
 частное и общее мышление I: 13; 11:1
 Юбилейный год II: 6

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Брентано, Луйо (1844-1931), экономист, I: 1, 3; II: 1, 2
 Вирт, Карл Йозеф (1879-1956), политик, II: 5
 Гвиннер, Артур фон (1856-1931), банкир, I:9
 Гёте, Иоган Вольфганг фон (1749-1832), II: 1 (прарастение), 2 (экономические воззрения)
 Гильфердинг, Рудольф (1877-1941), политик и социалистический финансовый теоретик, I:9
 Дизраэли, Бенджамин (1804-1881), лорд Биконсфилд, английский государственный деятель и писатель, I:1
 Иоанн Скот Эригена (ок. 810-877), I:11
 Карл Лысый (823-877), франкский король Франции, I:11
 Ласкер, Эдуард (1829-1884), политик и писатель, I:1
 Лассаль, Фердинанд (1825-1864), основатель первого социалистического движения в Германии, II: 1
 Лейбниц, Готтфрид Вильгельм (1646-1716), I:6
 Ликург (умер в 324 до Р.Х.), I: 12
 Маркс, Карл (1818-1883), I: 2,9,11; II: 1
 Оппенгеймер, Франц (1864-1973), экономист и социолог, II: 1
 Платон (427-343 до Р.Х.), I: 3
 Ратенау, Вальтер (1867-1922), промышленник, финансист, политик, II: 5
 Рикардо, Давид (1772-1823), английский экономист, I:11; II: 1
 Рихтер, Ойген (1838-1906), либеральный политик, I:1
 Родбертус, Карл Иоганн (1805-1875), экономист и политик, II: 4
 Рошер, Вильгельм Георг Фридрих (1817-1894), экономист, I:1
 Сименс, Георг фон (1839-1901), банкир, I:9

Смит, Адам (1723-1790), английский философ и экономист, 1:1,2,8,11,13
Унру, Ханс Виктор фон (род. 1842), политик, писатель, I: 9
Ферстер, Фридрих Вильгельм (1869-1966), педагог, пацифист, 1:10; II: 5
Шмоллер, Густав фон (1838-1917), экономист и историк, 1:1
Шпанн, Отмар (1878-1956), экономист, философ, социолог, II: 2
Шпенглер, Освальд (1880-1936), историк, философ, 1:12,13; II: 5
Штайн, Лоренц фон (1815-1890), преподаватель права, экономист, социолог, II: 4
Эдисон, Томас Алва (1847-1931), американский изобретатель, предприниматель II: 5
Юм, Дэвид (1711-1776), английский философ, 1:11
Юстиниан I (527-565), византийский император, II: 1